

Полкороля

Автор:

Джо Аберкромби

Полкороля

Джо Аберкромби

Море Осколков #1

В мире, где властвует грубая сила, юноше с одной рукой нет места. Именно поэтому принц Ярви, младший сын короля Гетланда, выбрал для себя путь Служителя, мудреца, сидящего не на троне, но подле него.

Однако Рок распорядился иначе, и Ярви, не король, но «полкороля», вынужден занять отцовский престол. Ему придется столкнуться не только с крушением своих надежд, но и с ложью, жестокостью и предательством.

Волею судьбы очутившись в странном обществе изгоев и отбросов, Ярви сможет наконец стать тем человеком, каким ему должно быть.

Впервые на русском языке!

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Джо Аберкромби

Полкороля

Посвящается Грейс

Нету в пути

Драгоценней ноши,

Чем мудрость житейская

Старшая Эдда, Речи Высокого

Joe Abercrombie

Half a King

Copyright © 2014 by Joe Abercrombie Ltd.

© Иванов Н., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть 1

Черный престол

Большее благо

Лютый шторм бушевал той ночью, когда Ярви узнал, что он – король. Или, по крайней мере, полкороля.

Такой ветер гетландцы звали «ищущим», ибо он отыскивал любую щель и скважину и, как бы люди ни подпитывали огонь, как бы ни жались друг к другу, нес мертвенный хлад Матери Моря всякому жилищу.

Ветер терзал ставни узких окон матери Гундринг, и даже окованная железом дверь стучала о порог. Ветер дразнил пламя в очаге – пламя злобно плевалось и трещало, пририсовывало когти теням висевших повсюду сухих трав, мерцало на корне, который мать Гундринг подняла шишковатыми пальцами.

– А это?

С виду – обычный комок грязи, но Ярви выучил этот урок.

– Корневище черного языка.

– И для чего, мой принц, служителю брать его в руки?

– Служитель надеется, что брать его не придется. Его отвар без вкуса и цвета, но это – самый смертельный яд.

Мать Гундринг отбросила корень.

– Порой служитель обязан браться за темные и опасные вещи.

– Служители обязаны стремиться к меньшему злу, – сказал Ярви.

– И отмерять наибольшее благо. Верно. Пять ответов из пяти. – Один одобрительный кивок матери Гундринг, и Ярви зарделся от гордости. Одобрение служителя Гетланда не так легко заработать.

– На испытании загадки будут попроще.

– На испытании. – Ярви встревоженно потер скрюченную кисть сухой руки большим пальцем здоровой.

– Вы его пройдете.

– Откуда вам знать?

– Это долг слугителя: сомневаться во всем...

– ...но всегда выражать уверенность, – закончил он за нее.

– Ну вот! Вас-то я знаю. – Это правда. Лучше нее его не знал никто, даже родная семья. Особенно родная семья. – У меня еще не было столь сообразительного ученика. Вы пройдете с первого раза.

– И перестану быть принцем Ярви. – При этой мысли он почувствовал лишь облегчение. – У меня не будет ни семьи, ни наследных прав.

– Вы станете братом Ярви, а вашей семьей станет община слугителей. – Огонь высветил у глаз матери Гундринг морщинки улыбки. – Вашим наследством станут травы, и книги, и тихое слово. Вы будете давать советы и помнить, врачевать и говорить правду, познавать тайные пути и на всех наречиях торить дорогу для Отче Мира. Как пыталась поступать я. Это – самое доблестное из занятий, какую б чушь ни горланили на боевой площадке мускулистые олухи.

– Поди не прими всерьез этих мускулистых олухов, когда ты тоже там, на площадке.

– Хе. – Она покатила языком по небу и сплюнула в огонь. – После испытания вам придется на нее выходить лишь затем, чтобы перевязывать разбитые головы, если у них не заладится тренировка. Однажды вы примете мой посох. – Она кивнула на приставленный к стене заостренный прут из эльфийского металла, с поверхностью, покрытой выпуклостями и впадинками. – Однажды вы сядете у Черного престола, и вас назовут отцом Ярви.

– Отцом Ярви. – Он поерзал на табурете при этой мысли. – Мне не хватает мудрости. – Он хотел сказать «не хватает храбрости», но ему не хватило храбрости это произнести.

– Мудрости учатся, мой принц.

Он вытянул к свету свою левую, ту самую, руку.

– А как же руки? Их обучить вы готовы?

– Вам не хватает руки, но боги наградили вас дарами ценнее.

Он усмехнулся.

– Вы про мой чудный певчий голосок?

– А хоть бы и так? И скорый ум, и способность к сопереживанию, и силу. Силу, благодаря которой человек обретает величие – не короля, но служителя. Отче Мир прикоснулся к вам, Ярви. Запомните накрепко: сильных много, мудрых – единицы.

– Теперь ясно, почему лучшие решения служителей проходят через женские руки.

– И, как правило, лучший чай. – Гундринг отхлебнула из чаши, которую он приносил ей каждый вечер, и снова одобрительно кивнула. – Но вот и еще один ваш великий дар – заваривать превосходный чай.

– Неслыханный подвиг. А когда я из принца превращусь в служителя, вы будете меньше мне льстить?

– Вам достанется столько лести, сколько заслужите. А за все остальное – моим башмаком по заднице.

Ярви вздохнул.

– Над кое-чем перемены не властны.

– Теперь за историю. – Мать Гундринг выдвинула с полки одну из книг, с золоченого переплета подмигнули красные и зеленые камни.

– Сейчас? Мне вставать с Матерью Солнцем, кормить ваших голубей. Я собирался немного поспать, прежде...

– Я позволю вам спать, когда пройдете испытание.

– Не позволите же.

– Вы правы, не позволю. – Она лизнула палец и начала перелистывать, захрустели древние страницы. – Скажите, принц, на сколько частей эльфы разбили Бога?

– Четыре сотни и девять. Четыре сотни Малых богов, шесть Высоких богов, первого мужчину, первую женщину и Смерть, что сторожит Последнюю дверь. Но разве тема эта впору служителю, а не прядильщику молитв?

Мать Гундринг поцокала языком:

– Служителю впору любое знание, ибо обуздать возможно лишь познанное. Назовите шесть Высоких богов.

– Матерь Море и Отче Твердь, Матерь Солнце и Отче Месяц, Матерь Война и...

Грохнув, дверь распахнулась настезь, и ветер-искатель ворвался в покои. Огненные завитки в очаге вострепнулись, так же как Ярви, и заплясали, озаряя бликами сотню и сотню пузырьков и склянок на полках. Фигура входящего запнулась о порог, задевая связки сухих растений, закачавшихся, словно висельники.

Это был Одем, дядя Ярви. Мокрые от дождя волосы липли к его бледному лицу, и одышливо вздымалась грудь. Широко распахнув глаза, он уставился на Ярви и открыл рот – но не издал ни звука. Тут и без дара сопереживания ясно, что его сгибает гнет тяжелой вести.

– Что такое? – сорванно каркнул Ярви, страх сдавил его горло.

Дядя упал на колени, руками в несвежую солому. Он склонил голову и тихо, хрипло выговорил два слова:

– Мой государь.

Вот так Ярви узнал, что его отца и брата не стало.

Долг

Они вовсе не выглядели мертвенно.

Только очень бледно – на двух холодных каменных возвышениях, в холодном зале, в натянутых по локти саванах, у обоих на груди блистали мечи. Ярви все ждал, что брат вот-вот скривит во сне губы. Что отец распахнет глаза и окинёт его знакомым презрительным взглядом. Но нет. Больше ни тот, ни другой так делать не будут.

Смерть раскрыла перед ними Последнюю дверь – из ее притвора не выходят обратно.

– Как это случилось? – с порога заговорила мать. Голос ее, как всегда, не дрогнул.

– Их предали, о королева, – прошептал дядя Одем.

– Я больше не королева.

– Конечно... прости, Лайтлин.

Ярви вытянул руку и мягко дотронулся до отцовского плеча. Холодное. Интересно, когда в последний раз он прикасался к отцу? Хоть раз прикасался? Он почти наизусть запомнил последний их разговор. Несколько месяцев тому назад.

Мужчина сечет косой и рубит секирой, говорил отец. Мужчина налегает на весла и вяжет тугие узлы. А главное – мужчина носит щит. Мужчина держит строй. Мужчина встает бок о бок со своим соплечником. Разве мужчина тот, кто ни на что из этого не способен?

Я не просил себе полруки, сказал тогда Ярви, как обычно стоя на полосе выжженной земли в битве между стыдом и яростью.

А я не просил себе полсына.

А теперь король Атрик был мертв, и его королевский венец, ужатый кузнецами в короткий срок, тяжело давил Ярви на лоб. Куда тяжелее, чем полагалось тонкому золотому ободку.

– Я спрашиваю, как они умерли? – повторила мать.

– Они отправились обсуждать мировую с Гром-гиль-Гормом.

– С проклятыми ванстерцами мириться нельзя, – пробасил Хурик, Избранный Щит матери.

– Мы обязаны свершить месть, – произнесла мать.

Дядя попытался развеять бурю.

– Вначале идут дни скорби. Верховный король запретил объявлять войну, пока...

– Месть! – Ее голос кромсал, как битое стекло. – Скорую, словно молния, жгучую, словно пламя.

Ярви украдкой взглянул на тело брата. Вот кто и скор, и жгуч, вернее – был прежде. Толстошей, крепко сбитый – у него уже пробивалась темная, как у отца, борода. Непохож на Ярви всем, чем только можно. Брат любил его... скорее всего. Любовью с кулаками, где протянутая рука дружбы обычно предвещала оплеуху. Так любят того, кто обречен вечно пред тобой ползать.

– Месть, – рыкнул Хурик. – Ванстерцы нам заплатят сполна.

– Да провались пропадом эти ванстерцы! – воскликнула мать. – Надо принудить к послушанию наших. Надо показать им, что юный король тверд, как железо. А когда они с радостью покорятся, вот тогда и горюй, пусть хоть Мать Море разольется от слез.

Дядя тяжело вздохнул.

- Стало быть, месть. Лайтлин, а он-то - готов? Он же не воин...

- Готов - не готов, а сражаться будет! - отрезала мать. Рядом с Ярви люди нисколько не стеснялись его обсуждать - будто он не только искалечен, а и оглох. Его внезапный приход к власти, похоже, никого не вылечил от этой привычки. - Начинайте приготовления к большому набегу.

- Где мы ударим? - спросил Хурик.

- Знай одно - ударим. Оставь нас.

Ярви услышал стук двери и тихие шаги матери по холодным плитам.

- Хватит плакать, - проговорила она. И только сейчас Ярви осознал, что глаза его полны влаги, и вытер их, и ему стало стыдно. Ему вечно было стыдно.

Мать обхватила его за плечи.

- Выпрямись, Ярви.

- Прости, - проронил он, пытаясь на манер брата выпятить грудь. Он вечно просил прощения.

- Теперь ты - король. - Она поправила съехавшую застежку его плаща, попыталась пригладить блекло-соломенные волосы - коротко подрезанные, но все равно непослушные, и прислонила к его щеке прохладную ладонь. - Никогда не проси прощения. Ты перепояшешься мечом отца и поведешь воинов в набег на Ванстерланд.

Ярви сглотнул. Одна мысль идти в набег бросала его в ужас. А самому вести его?

Одем, должно быть, разглядел его страх.

– Я буду вашим соплечником, государь. Мой верный щит всегда рядом. Пока хватит сил – я помогу во всем.

– Спасибо, – прошептал Ярви. Кто бы помог ему уплыть в Скегенхаус, чтобы после испытания на служителя тихо жить в тени, а не гореть на виду у всех от стыда? Но эта мечта уже прах. Сродни скверно замешенной известке рассыпаться в мелкие крошки – удел всех его упований.

– Твой долг – отплатить Гром-гиль-Горму страданием и болью, – произнесла его мать. – А после твоим долгом станет женитьба на двоюродной сестре.

Он лишь вытаращился в стальные серые глаза матери. Слегка снизу вверх – ведь он до сих пор до нее не дорос.

– Что?

Ласковое прикосновение превратилось в мертвую хватку капкана.

– Слушай, Ярви, и запоминай. Ты – король. И пусть ни ты, ни я ничего подобного не хотели, все равно нам от этого никуда не деться. В твоей руке – наше будущее, но рука твоя свисает над пропастью. Тебя не чтут и не уважают. У тебя мало союзников. Ты обязан скрепить нашу семью браком с дочерью Одема, Исриун, так же, как был обязан твой брат. Все уже обговорено. Все согласны.

Дядя Одем наскоро растапливал лед:

– Для меня, государь, нет большего счастья, чем стать вашим тестем и своими глазами увидеть, как навек соединятся наши семьи.

О счастье Исриун он не обмолвился, отметил Ярви. Равно как и о его счастье.

– Но...

Брови его матери отвердели. Глаза сузились. Он видывал, как отважные герои трепетали под ее взглядом, а Ярви героем не был.

– Я была помолвлена с твоим дядей Атилем, о чьем владении клинком до сих пор шепчутся ратники. Твой дядя Атиль должен был стать королем. – У матери надломился голос, словно слова причиняли боль. – Когда Матерь Море поглотила его и на берегу воздвигли пустой курган, я вышла за твоего отца. Свои чувства я пустила побоку и делала то, что должно. Так поступишь и ты.

Ярви покосился на пригожее тело брата, недоумевая, как она может рассуждать так спокойно, стоя на расстоянии вытянутой руки от мертвого мужа и мертвого сына?

– Ты не плачешь по ним?

Лицо матери стянула внезапная судорога, вся ее тщательно наведенная красота треснула и разбилась. Губы разошлись в оскале, веки сморщились, жилки на шее застыли камнем. Долгий леденящий миг Ярви не понимал – то ли она ударит его, то ли разразится рыданиями, и не знал, что пугает его сильнее. А потом – прерывистый вдох, мать уложила на место выбившуюся прядь золотистых волос и снова стала собой.

– Хоть кто-то из нас должен быть мужчиной. – Преподнеся это истинно по-королевски, она повернулась и вышла прочь из покоев.

Ярви стиснул кулаки. Вернее, стиснул один кулак, а на второй руке прижал большой палец к скрюченному обрубку.

– Благодарю за поддержку, матушка.

Он вечно злился. Но уже тогда, когда его злость ничего не могла поправить.

Дядя шагнул к нему, выговаривая мягко, словно пугливому жеребенку:

– Послушайте, мать любит вас.

– Любит?

– Ей надо быть сильной. Ради вас. Ради страны. Ради вашего отца.

Ярви переводил взгляд с мертвого отца на дядю. Так похожи и такие разные.

– Слава богам, ты со мной, – проговорил он, и слова ободрали горло. В его семье все-таки есть тот, кому он не безразличен.

– Ты уж прости, Ярви. Правда, прости. – Одем положил руку на плечо племянника, в глазах блеснули слезы. – И все же Лайтлин права. Мы должны поступать во благо Гетланда. Придется пустить побоку наши чувства.

Ярви горько вздохнул.

– Понимаю.

Его чувства всем были побоку, сколько он себя помнил.

Путь к победе

– Сегодня, Кеймдаль, ты бьешься с королем.

Ярви подавил дурацкий смешок, когда услышал, как мастер оружия называет его этим словом. Кажется, десятков восемь молодых бойцов напротив него тоже душит хохот. Или наверняка будет душить при виде того, как дерется новый король. И уж вне всяких сомнений, Ярви тогда будет не до смеха.

Теперь они его подданные. Его слуги. Его люди, принесшие клятву умереть за малейший королевский каприз. И все равно сейчас их ряд куда более походил на нелюдимый вражий строй, чем в те времена, когда он выходил к ним мальчишкой.

Мальчишкой же он себя и ощущал. Куда более мальчишкой, чем раньше.

– Сочту за честь. – И Кеймдаль, не выказывая особой чести, вышел из-за спин товарищей на боевую площадку. В кольчуге он двигался проворнее девицы в сорочке. Он принял щит, взял деревянный меч, и воздух загудел от пары

грозных взмахов. Всего-то на год старше Ярви – но с виду не меньше чем на пять: на полголовы выше, много шире в груди и плечах, и на его скуластом лице уже хвастливо выпирала рыжая щетина.

– Готовы, государь? – прошептал на ухо Одем.

– Естественно, нет, – прошипел Ярви, но деваться некуда. Король Гетланда обязан быть горячо любящим сыном Матери Войны, каким бы к ней негодным он ни был. Старые, бывалые воины расположились вокруг площадки, и Ярви должен им показать, что он не просто однорукое позорище. Должен отыскать способ выиграть. На все найдется свой способ, как часто говаривала мать.

Но вопреки своим неоспоримым дарам – острой мысли, сопереживанию и чудесному певчему голосу, придумать этот способ не удавалось.

Сегодня квадрат боевой площадки разметили на песчаном пляже – отсчитали по восемь шагов на сторону и по углам врыли копья. Каждый раз для учебных боев выбиралась новая местность – утесы, леса, болота, узкие улочки Торлбю и даже река – ведь щитоносец Гетланда обязан быть одинаково готовым сражаться, где бы бой его ни застал. Или одинаково неготовым – как в случае Ярви.

Но в основном в землях у моря Осколков бились на его неровных, зазубренных побережьях – поэтому и упражнялись они чаще всего у воды, а Ярви наедался песка до отвала, когда корабль вытаскивали на берег. После того как Матерь Солнце закатится за холмы, бывалые воины будут рубиться здесь по колено в салке, а пока прибой шелестел за плоским илистым полем с зеркальными овалами луж, промокнуть можно было только от влажного соленого ветра да от пота ручьем – Ярви так и не свыкся с весом кольчуги.

Боги, как же он ненавидел кольчугу. Как ненавидел мастера Хуннана, своего многолетнего главного мучителя! Как омерзительны все эти мечи и щиты, как отвратительна боевая площадка, как невыносимы воины, приходящие сюда как к себе домой. А самое ненавистное – вот это издевательство на месте руки, означавшее, что он никогда не станет одним из них.

– Следите за положением ног, государь, – шепнул Одем.

– За мои ноги не беспокойся, – огрызнулся Ярви. – Их у меня хотя бы две.

За три года он ни разу не притрагивался к мечу, сидя безвылазно в покоях матери Гундринг над травами и именами малых богов. Он зубрил чужеземные наречия и с особым старанием оттачивал мастерство писаря. Пока его учили заживлять раны, эти мальчишки – эти мужчины, подумал он с горечью во рту – не щадя сил учились их наносить.

Одеж ободряюще хлопнул его по плечу – и едва не сбил с ног.

– Щит не опускайте. Выждите удачный момент.

Ярви усмехнулся. Если ждать, когда наступит удачный для него момент, они проторчат здесь, пока всех не смоеет приливом. Его щит туго примотали к сухой руке ремешками, и большой палец вместе с обрубком уцепились за рукоятку. Локоть жгло уже до плеча, стоило только дать тяжелой штуковине просто повиснуть.

– Наш государь давно не ступал на площадку, – объявил наставник Хуннан, морщась, будто слова резали рот. – Давайте сегодня помягче.

– Постараюсь не излупить его до полусмерти, – выкрикнул Ярви.

Кое-где пронесся смех, но королю в нем слышался душок издевки. Шутки в бою – плохая замена крепким мышцам и щиту в твердой руке. Ярви взглянул Кеймдалю в глаза и подметил в них налет превосходства – и про себя повторил то, что сильных много, а мудрых – единицы. Слова, даже в его собственной голове, прозвенели впустую.

Наставник Хуннан не улыбнулся. Ни одна шутка не была настолько смешной, ни одно дитя настолько умильным, ни одна женщина настолько прекрасной, чтобы разок хоть чуточку изогнулись его железные губы. Он лишь пристально посмотрел на Ярви, как всегда с безмолвным презрением – хоть то принц был перед ним, хоть король.

– Начали! – пролаял его голос.

Если быстро – значит милосердно, то это была милосердная схватка.

Первый рубящий взмах обрушился на щит Ярви, хилые пальцы выпустили рукоятку, и обод попал ему в рот, ноги запнулись. Следующий он отразил, тело еще что-то помнило о прошлых занятиях, поэтому удар лишь прошелся вскользь по плечу да онемела ушибленная рука. Но третьего он не увидел вообще, резко стало очень больно, когда голень уехала вбок и он рухнул на спину. Из легких, точно из рассеченных мехов, со свистом ушел весь воздух.

Некоторое время он лежал и моргал. До сих пор ходили рассказы о том, какое несравненное умение показывал на боевой площадке дядя Атиль. Кажется, выход Ярви тоже запомнят надолго. Увы, совсем по другой причине.

Кеймдаль воткнул деревянный меч в песок и протянул руку.

– Государь. – Ярви показалось, что его рот кривит тайная насмешка, спрятанная куда глубже обычного.

– Ты научился сражаться за прошедшие годы, – выдавил Ярви сквозь стиснутые зубы, выкручивая из бесполезных ремешков щита увечную руку – и Кеймдалю ничего не осталось, как взяться за нее, чтобы поднять короля на ноги.

– Как и вы, государь, – до скрюченной руки Кеймдаль дотронулся с видимым отвращением, и Ярви, само собой, на прощание щекотнул его обрубком пальца. Дешевый жест, но слабому впору довольствоваться и мелкой мезтью.

– А я разучился совсем, – пробормотал Ярви, пока Кеймдаль шел обратно к соратникам. – Это ж надо!

Среди молодых учеников он засек девичий взгляд. Лет тринадцать, похоже – глаза горят, черные волосы развеваются вокруг острых скул. Пожалуй, надо сказать Хуннану спасибо, что не выбрал ее для его избиения. Может, следующее унижение таким и будет.

Мастер оружия насмешливо покачал головой и отвернулся – и в Ярви вскипела злость, жгучая, как зимний горный поток. Пускай всю отцовскую силу унаследовал брат, зато он сполна впитал его лютую ярость.

– Устроим еще одну схватку? – отчеканил король тем, кто стоял на той стороне.

У Кеймдаля поползли брови вверх, а потом он пожал широченными плечами и поднял меч со щитом.

– Как прикажете.

– Таков мой приказ.

Среди мужчин постарше пробежал ропоток, и еще суровее насупился Хуннан. Им что, надо и дальше терпеть этот постыдный балаган? Если позорится их король, то позор ложится на них самих, а с Ярви они не оберутся сраму до конца своих дней.

Дядя аккуратно взял его под руку.

– Государь, – мягко и вкрадчиво проворковал он. Он вечно такой мягкий и вкрадчивый, как ветерок в летний вечер. – Вероятно, вам не стоит перенапрягать силы...

– Разумеется, ты прав, – сказал Ярви. Глупец – раб своего гнева, как-то раз объяснила ему мать Гундринг. Для мудрого его гнев – оружие.

– Хурик. Становись за меня.

– Слушаюсь, государь, – громыхнул тот и, не сходя с места, просунул руку в сплетение ремней выпавшего щита. Ярви вручил ему учебное оружие. В громадном, заскорузлом кулачище Хурика меч смотрелся совсем игрушечным. Можно было слышать тяжелую поступь, когда воин занимал место против Кеймдаля. Который вдруг опять стал обычным шестнадцатилетним подростком.

Хурик пригнулся в стойке, вминая башмаки в песок. Потом оскалил зубы и испустил боевой рык, глубокий, ритмичный, все громче и громче, пока от него, кажется, не заходила ходуном вся площадка. А Ярви увидел, как в глазах Кеймдаля растут сомнение и страх, именно так, как в его давнишней мечте.

– Начали, – отдал команду он.

Эта схватка закончилась еще быстрее той, но никто в здравом уме не назвал бы ее милосердной.

Надо отдать Кеймдалю должное, он отважно прыгнул к противнику, но Хурик поймал на меч его взмах, деревянные клинки скрежетнули. Затем, вопреки своим огромным размерам, телохранитель с быстротой змеи сблизился рывком с противником и жестким пинком подсек Кеймдалю ноги. Падая, парень завыл, но лишь до тех пор, пока кромка щита Хурика с гулким звоном не врезалась ему чуть выше глаз – и сшибла его наземь, едва ли не бездыханного. Мрачно Хурик шагнул вперед, поставил башмак Кеймдалю на руку, ту, которая держала меч, и прижал ее каблуком. Кеймдаль застонал, половину искаженного гримасой лица облепил песок, на другой половине чертила полосы кровь с рассеченного лба.

Девушки могли поспорить, но Ярви счел, что сейчас молодой боец как никогда хорош собой.

И, сверкнув глазами, оглядел воинов тем взглядом, которым его мать смотрела на не угодившего ей раба.

– Один в мою пользу. – И он перешагнул валяющийся меч Кеймдаля и гордо вышел с площадки, специально выбрав дорогу так, чтобы наставник Хуннан зашаркал, убираясь с пути.

– Неблагородно и мелочно, государь, – сказал дядя Одем, подстраивая шаг. – Но не сказать, что не смешно.

– Рад был доставить повод для смеха, – буркнул Ярви.

– Более того, повод для гордости.

Ярви покосился на дядю, и тот посмотрел в ответ – спокойно и ровно. Он всегда такой спокойный и ровный, словно поле под свежим снегом.

– О славных победах слагают отличные песни, Ярви, но и бесславные победы не хуже, коль над ними чуток поработают барды. А вот славные поражения – поражения и только.

– На поле боя не бывает правил, – сказал Ярви, вспоминая, как слышал от отца нечто подобное – когда тому, пьяному, надоедало орать на собак.

– Вот именно. – Одем опустил на плечо Ярви сильную ладонь, и Ярви подумалось: какой счастливой могла бы стать его жизнь, будь его отцом дядя Одема. – У короля есть один долг – побеждать. Остальное – пыль.

Между богами и людьми

– ...Матерь Солнце и Отче Месяц, осияйте лучами злата и серебра союз Ярви, сына Лайтлин, с Исриун, дочерью Одема...

Статуи шести Высоких богов безжалостно взирали с высоты гранатовыми глазами. Над ними, в нишах вокруг купола сияли янтарные изваяния богов Малых. Все они оценили Ярви по достоинству и наверняка признали столь же скверным выбором, каким себя считал и он сам.

Он подвернул высохшую кисть и попытался засунуть ее в рукав. Всяк в Зале Богов отлично знал, что у него там – на конце левой руки. Вернее, чего там не было.

И все равно он старался это скрывать.

– Матерь Море и Отче Твердь, даруйте им доброй погоды и доброго оружия...

В середине зала, на помосте, стоял Черный престол. Пережиток эльфийских времен, со дней до Сокрушения Божия – откованный в неизвестном горниле из цельного слитка черного металла, невероятно изящный и невероятно крепкий – и несчетные годы не оставили на нем ни единой царапины.

Сиденье королей, между богами и людьми. Куда уж – слишком высокое для того, чтобы на него сел такой червяк, как Ярви. Даже смотреть на него и то казалось недостойным.

Он-то готовился стать служителем. Отказаться без долгих дум от возможности иметь жену и детей. Поцеловать по завершении испытания прагматер Вексен в старческую щеку – таков, как он надеялся, будет предел его успеха у дам. А теперь ему суждено разделить свою жизнь, какая та ни есть, с едва знакомой девушкой.

Ладонь Исриун ткнулась как неживая, руки обоих замотали священной тканью в кургузый сверток. Они схватились друг за друга – связаны одной лентой, прижаты бок о бок родительской волей, скованы воедино высшим благом Гетланда, – и все равно меж ними раскинулась непреодолимая пропасть.

– О, Тот, Кто Вращивает Семя, даруй им здоровый приплод...

Ярви знал, о чем думают гости. Даруй не увечный приплод. Не однорукий приплод. Он урывкой глянул на девушку – маленькую, хрупкую, белокурую – ту, кому полагалось стать женой его брата. Ей страшно и немного нехорошо. А кому было б легче, на выданье силком за полмужчины?

Все это – лучшее из худшего. Всеми оплаканный праздник. Согласие по несчастью.

– О, Та, Кто Крепит Замки, храни и сберегай их очаг...

Наслаждался один Брюньольф Молитвопряд. Он уже раз выткал неохватно громоздкое святое благопожелание для Исриун, на помолвке с братом, а сейчас – пусть не к ее, но к своему большому восторгу – заполучил вторую попытку. Голос его бубнил, заклиная и Высоких, и Малых богов одарить их поля плодородием, наделить их рабов покорностью – так что призыв воздать их кишкам бесперебойность не удивил бы никого из собравшихся. Ярви сник под отцовской меховой накидкой, заранее ужасаясь грядущим размахом благословений Брюньольфа – на самой свадьбе.

– О, Та, За Кувшином, пролей благополучие на королевскую чету сию, на породивших их, и на подданных их, и надо всей землею Гетской.

Прядильщик молитв отступил назад, довольный собой, словно молодой отец. Его подбородок скрылся, утонув в жировых складках.

– Я ненадолго, – сказала мать Гундринг, едва не подмигнув Ярви. Он издал сдавленный смешок, но тут наткнулся на материнский взгляд – ледяной, как зимнее море, – и другой смешок подавлять не потребовалось.

– На двух столпах зиждется королевство, – проговорила старая служительница. – Сильный король у нас уже есть.

Не рассмеялся никто. Завидное самообладание.

– Вскоре, божьей волей, у нас будет и сильная королева. – Ярви видел, как затрепетало бледное горло Исриун, когда та сглотнула.

Мать Гундринг поманила Лайтлин и дядю Одема – он один из всей публики казался счастливым – наложить руки на перевязь, освящая союз. Затем, с явным усилием, она воздела к потолку свой посох – трубчатый стержень того самого эльфова металла, которым поблескивал Черный престол.

– Обет дан!

Вот и все, и Исриун не спросили об ее мнении, равно как не спросили и Ярви. Похоже, здесь мало кого тревожит мнение королей. Уж точно не этого короля. Зрители, крепкая сотня, а то и больше, услужливо вскинулись хлопать. Мужчины – главы величайших среди домов Гетланда, с увитыми золотом пряжками и рукоятями мечей – в знак поддержки лупили себя в широкую грудь увесистыми кулачищами. На другой половине зала женщины – в блеске умощенных волос, с ключами от усадеб на инкрустированных цепочках – пристойно постукивали пальцами по надушенным ладоням.

Мать Гундринг размотала священную ткань, и Ярви вырвал оттуда здоровую руку, ярко-розовую, в мурашках. Дядя прихватил его за плечо и проговорил на ухо:

– Молодец! – Хотя Ярви просто стоял на месте да подпел следом несколько строк обета – едва ли осознанно.

Гости в ряд повалили прочь, и с гулким стуком Брюньольф затворил двери зала. Исриун и Ярви остались одни – перед богами, Черным престолом, грузом

неясного будущего и целым океаном неловкого молчания.

Исриун осторожно потерла руку, в которой только что лежала ладонь Ярви, и уставилась в пол. Он тоже уставился в пол, и не то чтобы на полу имелось много занятого. Прочистил горло. Подвинул перевязь меча. Как ни крути, висит неудобно. Сдается, удобнее уже не станет.

– Извини, – наконец сказал он.

Она подняла голову, одним глазом сверкнув в полумраке.

– За что извиняетесь? – И, вспомнив, неуверенно добавила: – Государь?

Он едва не сказал – за полмужчины на месте мужа, но остановился на:

– За то, что моя семья передает тебя из рук в руки, как чашу на пиру.

– На пиру любой был бы рад ухватиться за чашу. – Она понуро улыбнулась. – Это мне впору просить прощения. Представьте меня королевой. – И она фыркнула, будто не слыхивала шутки глупее.

– Лучше меня представь королем.

– Вы и есть король.

Он опешил. С головой погруженному в свои изъяны, ему оказалось невдомек, что она могла зарыться в своих. От этой мысли, как часто случается при чужих невзгодах, он чуточку приободрился.

– Ты справилась с отцовским двором. – Он посмотрел на золотой ключ у нее на груди. – Забота не из простых.

– А королева управляет делами всей страны! Любой подтвердит: твоя мать – искусница, которой нет равных. Лайтлин, Золотая Королева! – Она произнесла имя, точно волшебное заклятье. – Говорят, ей обязаны тысячью тысяч услуг и за честь почитается стать ее должником. Говорят, у купцов ее слово дороже золота, ведь золото может упасть в цене, но слово твоей матери – никогда.

Говорят, менялы с дальнего севера бросили молиться богам и вместо них поклоняются ей.

Девушка говорила все быстрее, и прикусывала ногти, и тянула себя за пальцы, широко распахнув глаза.

– Ходит молва – она несет серебряные яйца.

Впору расхохотаться.

– Вот это, я вполне уверен, неправда.

– Зато она выстроила зернохранилища, и велела прорыть каналы, и отдала под плуг новые земли – и теперь у нас больше не будет голода, когда люди тянули жребий, кому искать жительство за морем. – Пока Исриун говорила, ее плечи ползли вверх и теперь сжимались вровень с ушами. – Со всех концов света люди стекаются торговать в Торлбю. Город утроился – даже пришлось пробивать стены, и твоя мать выстроила новые, а потом пробила и эти.

– Да, но...

– Я знаю про ее великий замысел – чеканить все монеты единым весом, и эти монеты разойдутся по всем краям моря Осколков, и ее лик на монетах сделается обеспечением каждой торговой сделки, и она станет богаче самого Верховного Короля в Скегенхаусе! Неужто... я? – Плечи Исриун поникли, она щелкнула ключ на груди, и тот закачался на золотой цепочке. – Как, такая, как я?..

– На все найдется свой способ, – Ярви поймал ее за руку, прежде чем остатки ногтей снова попали на зубы. – Мать и будет тебе помогать. Она же твоя тетка!

– Она станет помогать – мне? – Вместо того чтобы вывернуться, она привлекла его ближе. – Могучим воином был ваш отец, но ведь верно: из двух родителей он наводил на сыновей меньше страху?

Ярви улыбнулся, не отрицая сказанное.

– Тебе зато повезло. Дядя всегда спокоен, как лесной пруд.

Исриун бросила на двери пугливый взгляд.

– Знали б вы отца так, как я.

– Ну тогда... тебе помогать буду я. – Полутра он продержал ее за руку, и та казалась снулой рыбиной в его занемелой ладони. А теперь совсем другая – прохладная, сильная и очень-очень живая. – Не в этом ли суть женитьбы?

– Не только в этом. – Девушка оказалась вдруг совсем рядом – в глазах отразился мерцающий свет, меж раздвинутых губ мелькнули белые зубы.

От нее шел запах – не кислый, не приторный, он не назвал бы какой. Тонкий и легкий – но у него защемило сердце.

Он подумал, надо ли закрыть глаза, а потом глаза закрыла она, так что закрыл и он, и оба неуклюже ткнулись носами.

По щеке пробежало ее дыхание, и лицо вспыхнуло пламенем. Обжигающе жарким.

Их губы едва успели коснуться, как он отшатнулся прочь, степенно – как спугнутый заяц, чуть не упав от того, что нога запнулась о меч.

– Простите. – Она снова съежилась и потупилась в пол.

– Извиняться впору мне. – Ярви тратился на извинения малость поболее, чем полагается королю. – Это я самый жалкий во всем Гетланде. Мой брат, несомненно, целовал тебя куда лучше. Дело, думаю, в... большем опыте.

– От вашего брата мне доставались одни разговоры о его боях и победах, – пробормотала она куда-то в сторону своих ног.

– Со мною этого не опасайся. – Зачем он так – то ли хотел огоршить невесту, то ли в отместку за несостоявшийся поцелуй, – но он вытряс из рукава скрюченную руку, и та протянулась меж ними двумя – во всем своем безобразном уродстве.

Он ждал, что она побледнеет, вздрогнет, отступит. Но Исриун лишь задумчиво смотрела на его кисть.

- Болит?

- Да нет... не особо.

И тут она потянулась, скользнула по узловатым костяшкам и надавила большим пальцем на искривленную ладонь. И у него перехватило дыхание. Никто, никогда не дотрагивался до этой руки так, словно это – просто рука. Частица плоти, такая же, как остальные.

- Слышала, ты все равно побил Кеймдаля.

- Только приказал. Мне давно известно – в честном бою от меня мало толка.

- Сражается воин, – произнесла она, глядя прямо в глаза. – Король повелевает. – И, усмехнувшись, потянула его на помост. Он настороженно двинулся за ней: хозяин этого зала, он ступал, чувствуя себя незванным нарушителем.

- Черный престол, – прошептал Ярви, когда они подошли.

- Ваш престол. – К его ужасу, Исриун протянула руку и вжикнула кончиками пальцев по безукоризненной глади подлокотника. У Ярви волосы встали дыбом. – Трудно поверить, но здесь это самая древняя вещь. Сотворена руками эльфов, до Сокрушения Мира.

- Ты увлекаешься эльфами? – пискнул он в испуге, что девушка заставит его прикоснуться к сиденью или, совсем страшное, сесть на него – и срочно попытается сменить тему.

- Я прочитала о них все книги у матери Гундринг.

Ярви заморгал.

- Прочитала?

– Сначала меня готовили в служительницы. Я ходила в подмастерьях у матери Гундринг, до вас. До конца жизни обреченная на книги, травы и тихое слово.

– Она не рассказывала. – Он и не подозревал, что у них так много общего.

– Меня сговорили с вашим братом – и все закончилось. Наш долг – поступать во благо Гетланда.

Оба почти одновременно и почти одинаково вздохнули.

– То же самое все твердят и мне, – промолвил Ярви. – Община служителей для нас обоих закрыта.

– Зато мы открыли друг друга. А еще – путь сюда. – С огоньком в глазах она напоследок обвела идеально изящный изгиб черного подлокотника. – Вы не поскупились с подарком на свадьбу. – Ее невесомые подушечки пальцев соскочили с металла, и, как ни странно, ему оказалось приятно ощущать их на своей ладони. – Нам полагалось решить, когда мы ее сыграем.

– Как только вернусь, – слегка хриповато сказал он.

Она еще раз пожала иссохшую руку.

– Я надеюсь, что после победы вы поцелуете меня как следует.

Глядя, как она направляется к дверям, Ярви почти обрадовался, что никто из них не вступил в Общину.

– Постараюсь не спотыкаться о меч! – воскликнул он вслед.

Она улыбнулась, обернувшись через плечо, и ступила через порог – на свету вспыхнули волосы.

Двери тихо закрылись. Ярви потерянно стоял на тронном постаменте, посреди всего этого залитого тишиной пространства. Его сомнения вдруг ожили и окружили его, громоздясь выше самих изваяний Высоких богов. Стоило ужасно много сил снова повернуться к Черному престолу.

Неужели он сядет туда, сядет между богами и людьми? Он – едва ли сумевший коснуться черного металла своей не рукой, а смехотворной нелепостью? Он заставил себя вытянуть эту руку, едва дыша. Заставил положить на металлическую гладь тот – единственный – дрожащий палец.

Твердая и холодная. Таким должен быть и король.

Отец был как раз под стать. Сидя здесь – и над его лохматой бровью сиял королевский венец. Изрезанные шрамами руки сжимали подлокотники, всегда невдалеке от рукояти меча. Того самого меча, который теперь прицеплен к поясу Ярви и чей непривычный вес тянет его книзу.

Я не просил себе полсына.

Ярви бросился прочь от пустого сиденья – стремительнее, чем прежде, когда на нем еще восседал отец. Не к дверям Зала Богов и не к уставшей ждать толпе снаружи, но к статуе Отче Мира. Прижавшись к камню, он провел пальцами вдоль щели у ног великана – бога-покровителя служителей. В тишине распахнулась потайная дверь, и, подобно бегущему с места преступления вору, Ярви скользнул в черноту.

Цитадель была полна тайных ходов, но у Зала Богов они сплетались в истинный лабиринт. Коридоры уходили под плиты пола, таились в стенах, проникали даже под купол. Служители древности пользовались ими, возвещая божью волю с помощью скромных чудес – сверху слетали перья или дым поднимался ввысь из-за статуй. Как-то раз на нерешительных ратников с потолка закапала кровь – когда король Гетланда созывал мечи на войну.

Ярви не страшился ни темноты, ни бродячих шорохов в каменных проходах. Туннели стали его вотчиной давным-давно. Он хоронился в их тьме от вспышек отцовского гнева. От зубодробительной любви брата. От холодной досады разочарованной матери. Он мог пройти всю цитадель из конца в конец, ни разу не ступая на свет.

Ему, как и полагалось прилежному служителю, знакомы здесь все пути.

Здесь его никто не тронет.

Голуби

Голубятня громоздилась наверху одной из самых высоких башен цитадели. Вековой птичий помет выгвоздил ее за века и внутри и снаружи, и сквозь многочисленные окна дул промозглый сквозняк.

В учениках матери Гундринг одной из его обязанностей было – кормить голубей. А также втолковывать послания, которые птицы проговорят потом, и смотреть, как они лопочут крыльями и взмывают в небо – унося служителям вокруг моря Осколков новости, предложения и угрозы.

Сейчас они выглядывали из клеток, в ряд вдоль стен – голуби да один бронзовокрылый орел, прибывший, должно быть, с вестью от Верховного короля в Скегенхаусе. Отныне единственного человека на всех берегах моря Осколков, кто вправе требовать у Ярви ответа. А сам он здесь, у вымазанной пометом стенки, тербил ноготь на усохшей руке – погребенный заживо под курганом обязанностей, которых не в силах исполнить.

Он всегда был слаб, но подлинное бессилие прочувствовал, только став королем.

Зашаркали шаги на ступенях, и мать Гундринг, тяжело дыша, миновала низкую арку и выпрямилась.

– А я думал, вам сюда ни за что не забраться, – проговорил Ярви.

– Государь, – ответствовала старая служительница, отдышавшись, – вашего появления ждали у дверей Зала Богов.

– Разве назначение этих туннелей – не помогать королю убежать?

– Не столь от семьи и подданных, не говоря о будущей невесте, сколь от вооруженного недруга. – Она всмотрелась в богов, нарисованных на куполе в виде птиц, устремленных к небесной лазури. – И куда вы собрались лететь?

– Скорее всего, в Каталию, или под Альюкс, а может, по Святой реке до Калейва. – Ярви пожал плечами. – Вот только у меня и двух добрых рук нету, не то что двух крыльев.

Мать Гундринг кивнула.

– В конце концов мы становимся теми, кто мы и есть.

– И кто есть я?

– Король Гетланда.

Он проглотил комок, понимая, насколько она разочарована в нем. Насколько разочарован он сам. В старинных напевах короли редко сбегали втихую, прячась от своего же народа. Отводя глаза, он наткнулся на могучего орла, безмятежно взирающего из клетки.

– Праматерь Вексен прислала весть?

– Весть, – подхватил один из голубей своей корябучей насмешкой над человеческим голосом. – Весть. Весть.

Мать Гундринг мрачно покосилась на орла, недвижимого, словно набитое чучело.

– Его прислали из Скегенхауса пять дней назад. Праматерь Вексен спрашивает, когда вы прибудете на испытание.

Ярви помнил тот раз, когда он встречался с первой из служителей – парой лет ранее. В то время Торлбю посетил Верховный король. Сам король показался угрюмым и пыхтящим стариком, которого вечно все задевало. Матери Ярви поневоле приходилось его успокаивать, если кто-то сгибался в поклоне не совсем так, как того требовал изысканный королевский вкус. Брат сперва катался от смеха – этот немощный, редковласый сморчок и есть тот, кто правит всем морем Осколков?! Вот только смех умер, когда он увидел, сколько воинов за собою тот вел. Отец бушевал от того, что Верховный король хапал подарки и подношения, но ничего не давал взамен. Мать Гундринг тогда поцокала языком и сказала: чем человек богаче, тем большего богатства он алчет...

Праматерь Вексен, с извечной улыбкой сердобольной бабули, едва ли хоть раз покидала свое исконное место подле государя. Когда Ярви опустился перед ней на колени, старуха взглянула на искалеченную руку и склонилась, шамкая: о, принц, вы уже решили вступить в Общину? И глаза ее на миг озарились голодным блеском, напугав Ярви больше всех суровых воинов Верховного короля.

– Первая из служителей хлопчет обо мне? – бормотнул он, сглатывая послевкусие того прошлого страха.

Матерь Гундринг пожала плечами.

– В Общину не часто вступают принцы королевской крови.

– Значит, и она не обрадуется тому, что я занял Черный престол.

– У праматери Вексен хватит мудрости справиться с тем, что ниспослали ей боги. Мы должны брать с нее пример.

Желая сменить тему, Ярви обвел глазами остальные клетки. Не знающие жалости птичьи взгляды оказалось легче выносить, чем унылые взгляды подданных.

– Который голубь принес послание Гром-гиль-Горма?

– Того я отправила назад в Ванстерланд. Передать их служительнице матери Скейр согласие вашего отца на переговоры.

– Где собирались провести встречу?

– У их приграничного города, под названием Амвенд. Ваш отец так туда и не добрался.

– Его подстерегли где-то в Гетланде?

– По всей видимости.

- На отца не похоже - так стараться закончить войну.

- Войну, - заскрипел какой-то голубь. - Кончить войну.

Мать Гундринг невесело посмотрела на пол - посеревший, заляпанный.

- Ему посоветовала ехать я. Верховный король повелел всем задвинуть мечи в ножны, пока его новый храм - Единого Бога - не будет достроен. Даже дикарь Гром-гиль-Горм не посмеет нарушить священный запрет, думала я. - Она стиснула кулак, словно сама себя захотела ударить, а потом медленно раскрыла его. - Забота служителя - торить дороги для Отче Мира.

- А что, отец не взял с собой стражу? У него...

- Мой государь. - Мать Гундринг поглядела на него исподлобья. - Нам пора вниз.

Желудок Ярви подскочил, рот окатило горькой отрыжкой.

- Я не готов.

- Никто и никогда не готов. И ваш отец не был исключением.

Ярви полувсхлипнул-полуусмехнулся и отер слезы скрюченной кистью.

- А отец тоже плакал после помолвки с матерью?

- На самом деле - плакал, - ответила мать Гундринг. - И не один год. В свою очередь, она...

Тут Ярви, против воли, забулькал от смеха.

- На слезы матушка еще скупей, чем на золото.

Он поднял голову и посмотрел на свою былую наставницу, а ныне - служительницу. На лицо в знакомых добрых морщинках, на яркие, полные решимости глаза. И, не сразу понимая, что говорит, прошептал:

– Эти годы моей матерью была ты.

– А ты – моим сыном. Прости, Ярви. Прости за все, но... так нужно ради большего блага.

– И меньшего зла. – Ярви помотал обрубком пальца, растерянно глядя на птиц. Один гордокрылый орел посреди огромной голубиной стаи.

– Кто будет теперь их кормить?

– Кого-нибудь найду. – Мать Гундринг подала жилистую руку, помогая ему подняться. – Государь.

Обеты

Мероприятие проводили с размахом.

Многие владетельные дома Гетланда придут в ярость от того, что новости о смерти короля Атрика доберутся до них уже после того, как сожгут его тело, и им не удастся блеснуть величием на событии, которое поселится в людской памяти надолго.

Несомненно, и всемогущий Верховный король на троне в Скегенхаусе, и праматерь Вексен у него под боком не возликуют от того, что их не пригласили, – что не преминула отметить мать Гундринг.

Но мать Ярви процедила сквозь зубы:

– Их гнев для меня – пыль. – Лайтлин, может быть, уже и не королева – но назвать ее другим словом не поворачивался язык, и Хурик по-прежнему высился за ее плечом, покорный вечной клятве служения. Раз она сказала – значит, дело, почитай, сделано.

Выступив из Зала Богов, траурное шествие пересекло внутренний двор цитадели – трава зеленела там, где Ярви терпел неудачи на тренировках, – и двинулось дальше, проходя под ветвями гигантского кедра – куда ему было никак не залезть, за что брат его нещадно высмеивал.

Ярви шел, разумеется, во главе. Над ним, во всех смыслах, нависала тень матери, а сзади попевала мать Гундринг, согбенно опираясь на посох. Дядя Одем вел королевскую челядь, воинов и женщин в лучших одеждах. Позади в ошейниках брели рабы, как им и надлежало – не отрывая от земли глаз.

Когда они проходили привратным туннелем, Ярви то и дело кидал боязливый взгляд на потолок – там, во тьме, поблескивал нижний край Воющих Врат, готовых воедино рухнуть и наглухо запечатать крепость от любого врага. Всего единожды – и он тогда еще не родился – врата падали вниз по воле защитников – тем не менее, у него сосало под ложечкой всякий раз, когда он здесь проходил. Громада шлифованной меди, весом с гору, висела, пришпиленная одним лишь штырем-спицей, – есть от чего разгуляться нервам.

Особенно когда ты идешь сжигать половину своей семьи.

– Вы прекрасно держитесь, – зашептал на ухо дядя.

– Я ступаю, ни за что не держась.

– Вы ступаете по-королевски.

– Я король, и я ступаю вперед. По-каковски еще мне ступать?

Одем улыбнулся.

– Отлично сказано, государь.

За дядиным плечом Исриун тоже улыбнулась ему. Ее глаза и цепочка на шее отсвечивали пламенем факела, который она несла. Скоро, скоро на эту цепочку повесят ключ от казны всего Гетланда и назовут ее королевой. Его королевой – и эта мысль даровала ему искру надежды во тьме его страхов.

Все они несли факелы – змея из пламени ползла сквозь сгустившийся сумрак, сквозь ветер, забравший себе половину огня к тому времени, как, выйдя из городских ворот, шествие достигло лысого склона холма.

Несравнимый ни с чем в запруженной судами гавани Торлбю, двадцать весел на борт, резные нос и корма под стать отделке Зала Богов – отобранные ратники волокли на уготованное место в дюны личный королевский корабль – киль проминал в песке змеистую борозду. Тот самый корабль, на котором король Атрик переплыл море Осколков во время знаменитого набега на Сагенмарк. Тот самый, который на обратном пути ковылял по воде, проседая от веса рабов и награбленного.

На палубе лежали тела короля и его наследника – на похоронных дрогах из мечей, ибо слава об Атрике-воителе уступала лишь славе его погибшего брата Атиля. А Ярви думал лишь о том, что великим воинам умирать ничуть не легче обычных людей.

Зато, как правило, раньше.

У тел покойных в особом порядке, какой, по мнению прядильщика молитв, наиболее угоден богам, уложены богатые подношения. Оружие и доспехи, взятые королем с боя. Браслеты из золота, монеты из серебра. Груда сокровищ. Ярви вложил кубок, украшенный драгоценными камнями, в ладони брата и сжал их, а мать облачила плечи мертвого короля в плащ белого меха, прислонила руку к бездыханной груди и глядела на него, не размыкая губ, пока Ярви не подал голос:

– Мама?

Без единого слова она повернулась и отвела его к скамьям на склоне. Бурые травы трепетали у ног под ударами морского ветра. Ярви скорчился, пытаясь поудобнее расположиться на твердом высоком сиденье. Справа застыла мать с Хуриком – необъятной тенью – за плечом. Мать Гундринг примостилась на сиденье по левую руку, костлявой кистью хватаясь за посох – витой эльфийский металл ожил в пламени и шорохе факелов.

Ярви сидел между двух матерей. Одна в него искренне верила. Другая родила его на свет.

Мать Гундринг наклонилась ближе и мягко сказала:

- Простите, государь. По мне – век бы вам этого не видеть.

Здесь Ярви нельзя было проявлять слабость:

- Мы должны научиться справляться с тем, что нам ниспослано богами, – сказал он. – Даже короли.

- Короли особенно, – вставила родная мать и подала знак.

По доскам застучали копыта – на корабль завели две дюжины коней и всех до одного забили, омыв кровью палубу. Все согласились, что смерть проведет короля Атрика вместе с сыном сквозь Последнюю дверь с надлежащим достоинством, и они займут среди мертвых почетное место.

Дядя Одем с факелом в руке вышел к воинам в боевом облачении, собранным на песке в шеренги. В посеребренной кольчуге, в крылатом шлеме и алом, бьющемся на ветру плаще он смотрелся истинным сыном, братом и дядей трех королей. Он торжественно кивнул Ярви, и Ярви кивнул в ответ – и почувствовал, как мать обхватила и крепко сжала его правую руку.

Одем поднес факел к просмоленной растопке. Пламя лизнуло борт, и в один миг весь корабль вспыхнул. Стон скорби долетел от скоплений толпы – от знати и богачей на террасах близ стен Торлбю, от торговцев и мастеровых под ними, от крестьян и чужеземцев под теми, от нищих и рабов, там и сям ютившихся в любых щелях от злого ветра, – всяк на своем, отведенном богами месте.

И Ярви невольно сглотнул, потому как до него внезапно дошло: отец никогда уже не вернется, и ему придется по правде быть королем, с этой минуты и до того, как его самого положат в костер.

Он все сидел, в дурноте и холоде, с обнаженным мечом на коленях, когда показался Отче Месяц и вышли погулять его дети – звезды, а пламя горящего корабля, горящих сокровищ и горячей семьи осветило сотни сотен печальных лиц. Когда зажглись огоньки в городских каменных зданиях, и в плетеных лачугах за стенами, и в башнях цитадели на холме. Его цитадели – хотя ему она

вечно казалась узилищем.

Не щадя живота он боролся со сном. Он едва-едва сомкнул глаза прошлой ночью, как и любой ночью с тех пор, как на него надели королевский венец. В ледяном чреве отцовских покоев тени переплетались со страхами, а двери, чтобы задвинуть на ней засов, по древнему обычаю не было. Ведь повелитель Гетланда неотделим от своей земли и народа и ничего не должен от них скрывать.

Такая роскошь, как личные тайны и двери в спальню, доступна более везучим людям, чем короли.

Очередь горделивых мужей в боевых доспехах и гордых дам с блестящими ключами – иные причиняли немало хлопот королю Атрику при жизни – потекла мимо Ярви и матери: пожать руки, вручить могильные дары, сказать пару цветастых слов о подвигах покойного владыки. Они горевали о том, что такого, как он, никогда больше не узрит земля гетов, а потом, опомнившись, кланялись и тихонько добавляли «государь», и прятась за улыбками, строили планы, как бы повыгоднее использовать этого однорукого дохляка на Черном престоле.

Лишь свистящий шепот пролетал между матерью и Ярви:

– Сядь. Ты – король. Не извиняйся. Ты – король. Поправь застежку на плаще. Ты – король. Ты – король. Ты – король. – Будто она, вопреки очевидному, пыталась убедить в этом и его, и себя, и весь мир.

Такого ушлого торговца, как мать, не видывали на всем море Осколков, но даже у нее вряд ли уйдет этот товар.

Они сидели, пока пламя не стихло до пышущего жаром мерцания, резной кильдракон осыпался в вихре пепла, а ткань облаков испачкало первое пятнышко рассвета, сверкнув на куполе Зала Богов и неся клики морских птиц. Тогда мать хлопнула в ладоши, и рабы с перезвоном цепей принялись набрасывать над курящимся кострищем землю, воздвигая великий курган, которому суждено выситься подле кургана дяди Атиля, утонувшего в шторм, и кургана деда Бревера, и прадеда Ангульфа Копыто. Травяные горбы протянулись вдоль берега до самых дюн, уходя во мглу времен – минуя те дни, когда Та, Кто Записывает, наделила женщин даром грамоты и служители начали ловить

имена мертвых и сажать в клетки – огромные первые книги.

Затем Мать Солнце явила свой ослепительный лик и запалила огонь на воде. Скоро прилив, который снимет с песка и утащит за собой множество кораблей. Крутобокие, они скользнут прочь так же быстро, как и плыли сюда, и понесут воинов в Ванстерланд – вершить кровавую месть над Гром-гиль-Гормом.

Дядя Одем поднялся на склон, твердая ладонь на рукояти – свою легкую улыбку он сменил на суровый воинский взгляд.

– Пора, – произнес он.

Вот так Ярви встал, и шагнул мимо дяди, и высоко поднял чужой – отцовский – меч, а потом проглотил слезы и заревел так громко, как только смог:

– Я, Ярви, сын Атрика и Лайтлин, государь Гетланда, приношу клятву! Я приношу клятву перед луною и солнцем. Перед Той, Кто Рассудит, и Тем, Кто Запомнит, и Той, Кто Затягивает Узлы, я клянусь. Я призываю в свидетели отца, и брата, и похороненных здесь предков. Я призываю Того, Кто Узрит, и Ту, Кто Записывает. Я призываю в свидетели всех вас. Да станет клятва на мне – оковами, во мне – стрекалом! Я отомщу убийцам моего отца и убийцам моего брата. Вот моя клятва!

Воины вокруг ударили оголовьями бородатых секир по шлемам, а кулаками по раскрашенным щитам, а сапогами по Отче Тверди в знак принятия клятвы.

Дядя нахмурился.

– Вы приняли тяжкий обет, государь.

– Может, я – полмужчины, – ответил Ярви, пытаюсь всунуть меч обратно в ножны из овечьей кожи. – Но ничто не помешает мне принести целую клятву. По крайней мере, люди ее оценили.

– Эти люди – гетланцы, – произнес Хурик. – Они ценят дело.

– А по-моему, клятва хорошая. – Рядом стояла Исриун, соломенные волосы струились по ветру. – По правде королевская.

Неожиданно Ярви очень обрадовался тому, что она тут. Не было бы здесь больше никого, он смог бы снова ее поцеловать, и в этот раз уж, может быть, постарался б. Но ему осталось лишь улыбнуться и наполовину поднять свою половину руки в неловком прощании.

Встретятся снова – вот тогда и придет время целоваться.

– Государь. – Сегодня даже в глазах матери Гундринг, вечно сухих и в дождь, и в дым, кажется, стояли слезы. – Да ниспошлют вам боги доброй погоды, а главное, доброго оружия.

– Не беспокойтесь, служительница, – утешил он, – я ведь могу еще и не погибнуть.

Его родная мать не проронила и слезинки. Только затянула на нем плащ, поправила застежку и сказала:

– Веди себя как король. Говори как король. Сражайся как король.

– Я – король, – сказал он, чувствуя ложь, и сдавленно добавил, протолкнув сквозь горло: – Я сделаю все, и ты мною будешь горда, – хоть и представить не мог, что и как.

Уходя – мягкая дядина рука на плече указывала путь, – он оглянулся. Колонны солдат – змеи в высверках стали – спускались к воде. А мать схватила Хурика за кольчугу и притянула громадного силача к себе.

– Береги моего ребенка, Хурик, – услышал он ее неровный, сиплый голос. – Кроме него, у меня ничего нет.

Затем в сопровождении стражи, свиты и множества рабов Золотая королева двинулась в город. А ее сын отправился бесцветному восходу навстречу, к кораблям – лес мачт покачивался на фоне синюшных небес, – стараясь идти походкой отца, постоянно лезшего в драку, пускай колени Ярви подгибались,

горло драло, глаза слезились, а в сердце гнездились тревожные сомнения.

До сих пор стоял запах дыма.

Отче Мир остался рыдать над пепелищем, и Матерь Война раскрыла свои железные объятия.

Мужская работа

Всякая волна, порожденная Матерью Морем, поднимала его, подталкивала, пузырила одежды – он ворочался и шевелился, будто пытался встать. Всякая волна, с шипением бегущая обратно, волочила тело назад и бросала на песке – в спутанные волосы, безжизненные, как комки водорослей на гальке, набивалась пена и ил.

Ярви тарашился, гадая, кто он. Кем был. Парнем или мужчиной? Погиб ли на бегу или храбро сражаясь?

Какая теперь разница?

Днище проскрипело о песок, палубу протрясло. Ярви споткнулся и, чтобы устоять, вцепился в Хуриков локоть. Со стуком и грохотом его люди втаскивали весла, снимали щиты и прыгали на сушу – сердито, ведь они пристали к берегу последними, слишком поздно, чтобы заработать славу или достойно пограбить. Служить на королевском судне во времена короля Атрика считалось бы наивысшей честью.

При Ярви – наивысшим наказанием.

Несколько человек взяли за носовой конец и подтянули корабль мимо плавающего тела, подальше на берег. Другие отстегнули оружие и поспешили к городу Амвенду. Тот уже полыхал.

Ярви закусил губу, готовясь перелезть через борт хотя бы с крупницей королевского хладнокровия, но слабо прижатая рукоятка позолоченного щита

вывернулась, заплелась в плаще и чуть не окунула его лицом в соленое море.

– Богами клятая хреновина! – Ярви растянул ремешки, стянул щит с сухой руки и швырнул к сундучкам, на которых сидят гребцы, работая веслами.

– Государь, – одернул его Кеймдаль. – Необходимо взять с собой щит. Здесь опасно...

– Ты со мной дрался. Сам знаешь, чего стоит щит в моей руке. Если кто-то нападет и окажется, что мечом с ним не сладить, – я убегу. А бегаю я быстрее без щита.

– Но, мой государь...

– Он – король, – грохнул Хурик, как гребнем расчесывая толстыми пальцами седеющую бороду. – Если он велит всем нам бросить щиты – так тому и быть.

– У кого две здоровых руки – носите на здоровье! – крикнул Ярви, соскакивая в прибой и ругаясь – новая волна окатила по пояс.

Там, где песок уступил место траве, новообращенные связанные рабы ждали, когда их погонят на корабли. Сгорбленные, перепачканные золой, в глазах страх, и боль, и неверие: нечто явилось из моря и забрало их жизни. Тут же группка бойцов Ярви разыгрывала в кости их одежду.

– О вас спрашивал Одем, государь, – какой-то воин поднял голову, а потом вскочил и пнул в лицо плачущего старика.

– Где? – у Ярви вдруг пересохло во рту, язык не отлипал от гортани.

– Наверху укреплений. – Дружинник показал на известняковую башню на утесе, что отвесно вздымался надо всем городом. С одной стороны его подножие грызли волны, с другой – пенился узкий залив.

– Ворота не заперли? – спросил Кеймдаль.

– Заперли, да только в городе осталось трое сыновей городского головы. Вот Одем и перерезал одному глотку, а потом сказал, что убьет следующего, коли ему не откроют ворота.

– И их открыли, – сказал другой мечник и рассмеялся, глядя на выпавшее число. – Новые носки!

Ярви сморгнул. Он и представить не мог своего улыбчивого дядю таким безжалостным. Но ведь Одем – отпрыск того же семени, что и отец, следы чьего гнева до сих пор носил на себе Ярви. Того же, что их утонувший брат Атиль – а старые воины и сейчас пускают скупую слезу, вспоминая о его несравненном обращении с мечом. В конце концов, под тихой водой иногда несутся свирепые течения.

– Да будь ты проклят!

Из шеренги рабов, так далеко, как дозволила веревка, споткнулась и выпала женщина, к кровавому лицу липли волосы.

– Сучий король сучьей страны, да сожрет тебя Мать Море...

Один из солдат придавил ее к земле.

– Отрежь ей язык, – сказал другой, запрокидывая ее за волосы, пока третий вытаскивал нож.

– Нет! – вскрикнул Ярви. Его люди сурово нахмурились. Под угрозой честь короля, а значит, и их честь, и проявление милости здесь не сойдет за отговорку. – С языком за нее дороже заплатят.

Ярви отвернулся, плечи под кольчужной рубахой поникли – и побрел в гору, к крепости.

– Вы воистину сын своей матери, – отозвался Хурик.

– Кем же еще мне, по-твоему, быть?

У отца с братом загорались глаза, когда они садились рассказывать о великих былых набегах, о грудах захваченных богатств, а Ярви слушал, замерев в тени у стола, и мечтал о том, что однажды и он, став мужчиной, примет участие в подобающем мужчинам занятии. А теперь перед ним открылась правда – и право побывать в походе сразу перестало казаться ему завидным.

Сражение кончилось, если и впрямь случилось нечто, что можно назвать этим словом, но Ярви по-прежнему ступал вперед тяжело и вязко, как в кошмарном сне, – потел под кольчугой, прикусывал губы, вздрагивал от всякого шума. Вопли и хохот, люди сновали среди хоботов дыма пожарищ, в горле першило от гари. Вороны кружили, клевали тела и, каркая, прославляли успех победителей. Победа была за ними! Матерь Война, мать воронам, сбирательница павших, та, кто складывает в кулак открытую руку, – сегодня вышла на танец, а Отче Мир плакал, закрыв лицо. Здесь, у изменчивой границы между Ванстерландом и Гетландом, Отче Мир рыдал очень часто.

Над ними склонилась башня, темный бастион, под ними с обеих ее сторон бились и ревели волны.

– Стойте, – сказал Ярви, с трудом переводя дух. Голова кружилась, лицо щипало от пота. – Помогите снять кольчугу.

– Государь, – буркнул Кеймдаль, – я обязан вам отказать!

– Отказывай, сколько влезет. А потом сделай, как велено.

– Мой долг оберегать вас от...

– Тогда представь свой позор, когда я помру, изойдя потом на полпути к верхушке. Расстегивай, Хурик.

– Государь. – Они отшелушили от него стальную рубаху, и Хурик понес ее, кинув через могучее плечо.

– Веди, – рявкнул Ярви на Кеймдаля, тщетно пытаюсь закрепить неудобную золотую застежку отцовского плаща своим бестолковым огрызком, а не рукой. Слишком здоровенный и тяжелый для него плащ, а защелка тугая, как...

Он обмер, застыв как вкопанный при виде того, что творилось за распахнутыми воротами.

– Урожай собран, – сказал Хурик.

Узкий пяточок перед башней усеивали трупы. Так много, что Ярви, прежде чем наступить, приходилось выискивать место, куда ставить ногу. Там и женщины, там и дети. Жужжали мухи. Подкатывала тошнота, но он загнал ее вглубь.

Он же король или нет? А король упивается смертью своих врагов.

Один из дядиных дружинников сидел на ступенях перед входом и спокойно, как дома на боевой площадке, чистил секиру.

– Где Одем? – тихо проговорил Ярви.

Человек улыбнулся с прищуром и показал пальцем:

– Наверху, государь.

Ярви, пригибаясь, вошел. По лестнице раскатывалось его дыхание, ноги шаркали по плитам, в горле мутило.

На поле боя, говорил отец, не бывает правил.

Все вверх и вверх, в шелестящую тьму. Хурик и Кеймдаль держались сзади. Возле узкой бойницы он приостановился, наслаждаясь ветром на распаленном лице, и увидел, как под отвесной кручей волны врезаются в камень – увидел и оттолкнул от себя страх.

Веди себя как король – сказала мать. Разговаривай как король. Сражайся как король.

Наверху располагалась смотровая площадка, с подпорками из толстых бревен. По краю шли деревянные перила – доставая лишь до бедра Ярви. Чересчур низковато, чтоб от слабости не задрожали колени, когда стало ясно, насколько высоко они забрались. Отче Твердь и Матерь Море вокруг умалились, внизу

раскинулись леса Ванстерланда в дальнюю даль, теряясь в дымке у горизонта.

Дядя Одем молча стоял и смотрел, как полыхает Амвенд: столбы дыма размывало по серому небу, крошечные воители занимались ремеслом разрушения, а на рубеже моря и гальки выстроились тоненькие кораблики, готовые принять на борт кровавое жито. Дядю окружали шестеро его самых надежных людей и с ними, связанный, с кляпом во рту, мужчина в богатой желтой накидке – лицо его распухло от синяков, и длинные волосы столклись в кровавый комок.

– Сегодня мы потрудились на славу! – воскликнул Одем, с улыбкой оборачиваясь к Ярви. – Взяли две сотни рабов, а еще скот и добро – и сожгли город у Грома-гиль-Горма.

– А сам Горм? – Ярви попробовал отдышаться после подъема и – поскольку вести себя и сражаться по-королевски получалось у него плоховато – хотя бы говорить как король.

Одем безрадостно цыкнул сквозь зубы:

– Крушитель Мечей уже спешит сюда, а, Хурик?

– Само собой. – Хурик отошел от лестницы и вытянулся во весь свой внушительный рост. – Старого медведя тянет на битву, что твоих мух.

– Надо собрать людей и через час выйти в море, – заявил Одем.

– Пора уходить? – спросил Кеймдаль. – Так быстро?

Как ни странно, Ярви почувствовал злость. Ему плохо, он устал и зол на собственную слабость, на дядину жестокость и на мир, устроенный так, а не иначе.

– И это – наша месть, Одем? – Он обвел рукой горящий город. – Месть женщинам, детям и старикам-крестьянам?

Голос дяди прозвучал, как обычно, тихо и ласково. Ласково, как весенний дождик.

- Мечь осуществляется постепенно. Но вам об этом переживать не стоит.

- Не я ли дал клятву? - прорычал Ярви. Последние два дня его несказанно бесило, когда к нему обращались «государь». А теперь он оказался взбешен еще больше от того, что дядя опустил это слово.

- Вы поклялись. И я это слышал, и, на мой взгляд, вы взвалили на себя неподъемную ношу. - Одем махнул на пленного - тот, стоя на коленях, с хрипом вгрызался в кляп. - Но он избавит вас от этого гнета.

- Кто это?

- Городской голова Амвенда. Он - тот, кто вас убил.

Ярви остолбенел.

- Что?

- Я пытался его остановить. Но подлец прятал нож. - Одем вытянул руку, и в ней оказался кинжал - длинный, с навершием из черного янтаря. Разгоряченного от подъема на башню Ярви внезапно обдало холодом - от подошв до корней волос.

- Я не перестану себя казнить за то, что появился слишком поздно, чтобы спасти горячо любимого племянника. - И бесстрастно, словно отрубил ломоть мяса, Одем всадил кинжал градоначальнику между плечом и шеей, а потом оттолкнул, сапогом ударив в лицо. На доски крыши хлынула кровь.

И Одем тихо, спокойно шагнул вперед, а у Ярви затряслись колени, и он отступил назад - к низким перилам и высокому обрыву за ними.

- Я вспоминаю ночь, когда вы родились. - Голос дяди был холодным и ровным, как лед на зимнем озере. - Ваш отец бушевал и бранил богов за ту штуку, которая росла у вас вместо руки. А я всегда улыбался, глядя на вас. Из вас получился бы превосходный шут. - Одем изумленно повел бровями и вздохнул. -

Но неужели моей дочери и в самом деле придется выйти за однорукого недомерка? Неужто Гетланду достанется полукороль? Достанется кукла-калека на веревочке у матери? Э, племянничек... нет уж... дудки.

Кеймдаль дернул Ярви за руку и, лязгнув сталью, выхватил меч.

– Ко мне за спину, госу...

Ослепляя, на лицо Ярви брызнула кровь. Кеймдаль пал на колени, с клекотом схватился за горло, чернота заструилась меж его пальцев. Ярви скосил глаза и увидел, как угрюмый Хурик делает шаг назад, и в руке его нож, и от крови Кеймдаля лоснится гладкое лезвие. Со звоном и лязгом телохранитель уронил с плеча кольчугу Ярви.

– Наш долг – поступать на благо Гетланда, – произнес Одем. – Убейте его.

Ярви отшатнулся, не закрывая от изумления рта, и Хурик поймал его за грудки, ухватил за плащ.

Клацнув, массивная отцовская золотая застежка раскрылась. Внезапно освободившись, Ярви отскочил назад.

Деревянная перекладина подсекла его под колени, и, потеряв дыхание, он опрокинулся через перила.

Скала, вода и небо закружились над ним. Король Гетланда падал вниз и вниз, и вода ударила его, как молот бьет по железу.

И Мать Море приняла его в свои холодные объятия.

Враг

Когда Ярви очнулся, его окружала тьма, лишь пузыри метались вокруг; и он скорчился, скрутился, забился изо всех сил – охваченный простым стремлением

ВЫЖИТЬ.

Должно быть, у богов имелись на него виды: когда ребра уже разрывало изнутри, когда надо было вдыхать, уже все едино – воздух или морскую воду, голова вдруг пробилась наружу. Ослепленный брызгами, он кашлял, молотил руками и ногами, его тянуло вниз, вертело и швыряло в бурунах.

Новая волна понесла его на камни, и он сумел продержаться за раковину моллюска и скользкий пучок водорослей ровно столько, чтобы еще раз вдохнуть. Он расколошматил пряжку и стянул с себя влекущую на дно перевязь. Мышцы ног ломало от боли, пока в борьбе против беспощадного моря он брыкался, избавляясь от свинцовых сапог.

Он собрал остатки сил и, поднявшись вместе с волной, дрожа от напряжения, выволок тело на узкий каменный уступ, где под солеными каплями лежали медузы и торчали конусы морских блюдечек.

Выплыть из моря живому – большое везение. Увы, Ярви почему-то так не казалось.

Он в заливчике, с северной стороны укреплений. Сюда, на небольшой, огороженный зубчатыми скалами участок, неслись пенные буруны и точили камень, хлестали, плескали и разлетались искристым ливнем. Он соскреб мокрые волосы с лица, отплевался соленой водой. В горле першило, обе руки – и здоровая и больная, в царапинах и порезах.

Опрометчивое решение снять кольчугу спасло ему жизнь, но стеганый поддоспешник оплыл от морской воды. Дергая за ремни, он, наконец, сумел его скинуть и съежился на холодном ветру.

– Где он, вишь его? – слышался голос наверху, так близко, что Ярви распластался на слизистом камне и прикусил язык.

– Да помер он. – Новый голос. – Разбился о скалы. Он теперь у Матери Моря.

– Одему подавай его тело.

– Вот пускай Одем за ним и ныряет.

Вступил третий:

– Или Хурик – он же упустил калеку.

– Ну и кому из них ты предложишь поплавать первому – Одему или Хурику?

Хохот.

– Надвигается Горм. Нет времени вылавливать однорукие трупы.

– Идем на корабль, а королю Одему скажешь – его племянник на дне морском неплохо устроился, – и голоса стали стихать, удаляясь к песчаному пляжу.

Королю Одему. Его родному дяде, которого он любил как отца. Который всегда находил утешительное слово, сочувственно улыбался и клал Ярви на плечо свою надежную сильную руку. Родная кровь! Ярви уцепился за камень одной рукой, а другая, увечная, задрожала, сжимаясь в кулак. Стало трудно дышать – его захлестывала свирепая, отцовская злоба. Но ведь мать все время учила: волнуйся не о том, что сделано, а о том, что делать дальше.

Мать.

При мысли о ней он волей-неволей шмыгнул носом. Золотая королева знала, что делать, при любых обстоятельствах. Но как до нее добраться? Гетские корабли уже отплывали. Скоро здесь будут ванстерцы. Ярви оставалось только ждать темноты. Найти дорогу через границу, а дальше на юг, к Торлбю.

На все найдется свой способ.

Если нужно, он пройдет по лесу сотню миль без сапог. Он отомстит и ублюдку-дядюшке, и этому мерзкому подлецу Хурику – и вернет себе Черный престол. Он клялся в этом снова и снова, пока Мать Солнце прятала свой лик за скалы и удлинялись тени.

Однако он не учел самого жестокого из мстителей – неумолимый прилив. Скоро уступ, на котором он завис, накрыло ледяной водой. Вода поднялась до голых ступней, до лодыжек, выше колен, и не прошло много времени, как море с удвоенной яростью хлынуло в тесный залив. Он бы рад и дальше раздумывать над выбором, но для этого хотелось бы, чтобы этот выбор был.

Поэтому он полез взбираться. Трясущийся и усталый, холодный и простывший, он хныкал и плевался именем Одема, ставя ногу на скользкую выемку или перехватываясь за новый выступ. Опасность была нешуточной, но полагаться на милость Матери Моря хуже стократ – любой моряк скажет, что милость ей незнакома.

Из последних сил он перевалился через край обрыва, перекатился на спину и некоторое время лежал в чахлой прибрежной поросли, переводя дух. Переполз на живот и застонал, пробуя встать.

Что-то садануло его по затылку, он заорал – в голове вспыхнуло белое пламя. Твердая земля поднялась и врезалась ему в бок. Он завис на карачках, пуская кровавые слюни.

– Ага, гетландская псина, по волосам вижу. – Ярви взвизгнул – за волосы его и вздернули.

– Щенок, – Башмак пришелся по заднице, и Ярви врылся лицом в землю. Прополз на четвереньках пару шагов, и его снова сшибли пинком. Его поймали двое. Двое мужчин в броне и с копьями. Конечно же, ванстерцы, хотя, не считая того, что их суровые лица обрамляли длинные косы, на вид они мало отличались от тех воинов, которые безрадостно встречали его на боевой площадке.

На взгляд безоружного, все вооруженные одинаковы.

– Вставай, – сказал один, опрокидывая его очередным пинком.

– Тогда хватит меня сбивать, – выдохнул он.

За это он получил в лицо древком копья и больше решил не шутить. Один из них рванул его за ворот дырявой рубашки и наполовину повел, наполовину потащил

за собой.

Повсюду воины, некоторые – верхом. С ними простой люд, видно, здешние жители, удрали от кораблей – а теперь, в слезах и саже, роются в обломках на пепелище. Для погребального сожжения в ряд лежали тела – морской ветер надувал и трепал их саваны.

Но вся без остатка жалость Ярви нужна была ему самому.

– На колени, псина. – Он опять растянулся от удара, и в этот раз его не тянуло вставать. С каждым выдохом он слабо постанывал, а расквашенные губы пульсировали, как один большой комок.

– Что ты мне приволок? – звучный голос, высокий и переливистый, словно пел песню.

– Гетландец. Он выкарабкался из моря позади укреплений, государь.

– Странные дары выплескивает на сушу Родительница Волн. Посмотри на меня, морское создание.

Ярви робко, медленно, сквозь боль приподнял голову и увидел два здоровенных сапога, мысы окованы потертой сталью. Потом мешковатые штаны в красную и белую полоску. Потом массивный пояс с золотой пряжкой, рукоять большого меча и четыре ножа. Потом кольчугу из стали, увитой золотыми нитями. Потом белую меховую шкуру на могучих плечах – на ней даже оставили волчью голову, в глазах – алые гранаты. Поверх шкуры мерцает дорогими камнями цепь – перекрученные комки золота и серебра: навершия с мечей павших врагов. Их так много, что цепь, трижды обмотанная вокруг бычьей шеи, все равно провисала. Наконец, так высоко, что великану впору, лицо – в морщинах, скособоченное, как кривое дерево. Незаплетенные космы и бороду подкрасила седина, но глаза и скошенный рот улыбались. Улыбкой того, кто рассматривает жуков и выбирает, которого из них раздавить.

– Ты кто, человеке? – спросил великан.

– Поваренок. – Слова с трудом лезли из кровоточащего рта, и Ярви старался засунуть увечную руку поглубже в мокрый рукав, не то она его выдаст. – Я упал в море. – Хороший лгун вплетет в рассказ как можно больше правды, однажды пояснила ему мать Гундринг.

– Сыграем в угадайку? – спросил великан, наматывая на палец прядь своих длинных волос. – Интересно, как же зовут меня?

Ярви сглотнул. Гадать смысла не было.

– Вы Гром-гиль-Горм, Крушитель Мечей, Творитель Сирот, король Ванстерланда.

– Угадал! – Горм похлопал в увесистые ладоши. – Хотя каков твой выигрыш, мы еще поглядим. Я – властвую над ванстерцами. Сдается, властвую и над этими несчастными обездоленными. Над теми, кого твои соотечественники-гетландцы сегодня так вольготно грабили, резали, увозили в рабство, нарушая слово Верховного короля в Скегенхаусе – ведь он запретил вынимать мечи из ножен. Любо ему нашу забаву портить, что поделать. – Горм рыскнул глазами по разоренью. – Как по-твоему, справедливо ль все это?

– Нет, – севшим голосом пролепетал Ярви, и ему не пришлось лгать.

К королю подступила женщина с черновато-пепельными, почти налысо сбритыми волосами. Ее белые руки от плеч до самых пальцев покрывали голубые узоры. Некоторые Ярви узнал по учебе: знаки для исчисления будущего по звездам, круги в кругах, где начертано, как взаимосвязаны малые боги, руны, что повествуют о величинах, временах и расстояниях – и дозволенных, и запретных. На предплечье в ряд пять эльфийских запястий – осколки далекого прошлого, талисманы неслышанной старины и ценности со вставками-символами, значение которых кануло в пучину времен – пылали золотом, стеклом и сталью.

И Ярви понял, что перед ним мать Скейр, служительница Горма. Та, что отправила голубя матери Гундринг и мирными посулами заманила отца на смерть.

– Какой же король Гетланда приказал устроить здесь бойню? – спросила она трескучим, как у голубя, голосом.

– Одем. – И Ярви с болью осознал, что это правда. Его губы сжались, как от оскомины.

– Итак, лис убил своего братца-волка.

– Подлое зверье. – Горм вздохнул, отстраненно крутя на цепи трофейное навершие. – Верно, к тому все и шло. Верно, как и то, что Матерь Солнце спешит за Отче Месяцем по небу.

– Короля Атрика ты убил. – Сам того не желая, Ярви сплюнул кровавой мокротой.

– Вот как у вас говорят? – Горм поднял могучие длани, оружие на его поясе сдвинулось. – А что ж я тогда не похваляюсь содеянным? Эй, почему скальды до сих пор не воспели сей подвиг? Ужель моя победа недостойна веселья?

Он засмеялся, опуская руки.

– На моих ладонях, поваренок, крови – до плеч, ибо кровь мне милей всего на свете. Только вот беда: не все люди, что умерли, убиты мною.

Один из его кинжалов высунулся из-за пояса. Роговая рукоять смотрела прямо на Ярви. Можно успеть схватить. Будь он отцом, или братом, или храбрым Кеймдалем – кто погиб, защищая своего короля, он бы выхватил нож, вонзил бы его в живот Гром-гиль-Горма и выполнил бы свою торжественную клятву отмщения.

– Захотел погремушку? – Горм сам вытащил этот кинжал и, держа за светлое лезвие, протянул Ярви. – Так бери. Но знай – Матерь Войнадохнула на меня еще в колыбели. Предсказано, что ни одному мужу не по силам меня убить.

Какой он огромный на фоне белесого неба, развеваются волосы и сверкает кольчуга. А на обветренном, бывалом лице – теплая улыбка. Неужели Ярви клялся отомстить такому великанищу? Он, полумужчина, с одной тоненькой, бледной рукой? Он посмеялся б над своей самонадеянностью, когда б не трясся от холода и страха.

– Растянуть его на колышках у прибоа да размотать кишки для ворон, – сказала Гормова служительница, не сводя с Ярви глаз.

– Вечно ты об одном и том же, мать Скейр. – Горм просунул нож обратно за пояс. – Жаль, вороны мне спасибо не скажут. Это ж мальчишка. Навряд ли именно он замыслил это побоище. – Ох, как верно сказано. – Я – не благородный король Одем, и не по мне возвышаться, убивая слабых.

– А где справедливость? – Служительница нахмурилась на закутанные тела, и на ее бритой голове заиграли мускулы. – Народ изголодался по возмездию.

Горм оттянул губы и похабно дунул.

– Скоро народ просто изголодается. Ты что, ничему не научилась у Золотой Королевы Гетланда, прекрасной и мудрой Лайтлин? К чему убивать то, что можно продать? В ошейник его, а потом бросьте к остальным.

Ярви только пискнул, когда один из подручных вскинул его за плечи, а другой защелкнул вокруг шеи железный обруч.

– Как передумаешь насчет ножа, – все так же улыбаясь, окликнул Горм, – разыщи меня. Бывай, бывший поваренок!

– Стойте! – просипел Ярви, ясно осознав, что надвигается дальше. Его ум метался в поисках любой лазейки, как этого избежать. – Подождите!

– Чего ждать? – спросила мать Скейр. – Хорош уже ему бляеть.

Удар в живот отнял у него дыхание. Обмякшее тело подтащили к старой плахе. Один держал его, пока он кхыкал, а второй поднес штырь, огненно-желтый после горнила, и клещами задвинул его в зажим ошейника. Первый ударил молотом, чтобы намертво заклепать ворот, но напортачил – попал по штырю вскользь и капли расплавленного железа брызнули Ярви на шею.

Такой боли он не знал никогда – и он визжал, верещал, как котелок на огне, и выл, и рыдал, и корчился на колоде, пока кто-то из них не подхватил его за рубашку и не бросил в зловонную лужу – там, зашипев, железо остыло.

– Меньше на одного поваренка. – Лицо матери Скейр было белым, как молоко, и мраморно-гладким, а глаза синели, как зимнее небо, и не было жалости в них. – Больше на одного раба.

Часть 2

«Южный Ветер»

Дешевле некуда

Ярви сидел на корточках в вонючей тьме, ощупывал ожоги на шее и свежие царапины на обритом черепе. Днем он истекал потом, а ночью содрогался от холода и слушал, как надорванными глотками стонет, хнычет и на дюжине наречий безответно молит богов людское отребье. Как надрывается его собственная глотка, самая громкая из всех.

Наилучший товар кормили и содержали в чистоте наверху – тех, в надраенных ошейниках, ставили вдоль улицы служить заведению вывеской. На задворках барака не столь мускулистых, умелых или хороших собой приковывали к загородке и били до тех пор, пока те не научатся улыбаться покупателям. А здесь, внизу, в темноте и грязище, держали старых, больных, дурачков и калек – рвать друг у друга объедки, как свиньи.

Здесь, в Вульсгарде, столице Ванстерланда, широко расползся невольничий рынок, здесь каждому знали цену, и на бросовый товар не транжирили лишку. Простой итог затрат и прибыли, отшелушенный от бесполезных чувств. Здесь ты узнаешь, чего стоишь на самом деле, и давние подозрения Ярви оправдались.

Его готовы отдать за бесценок.

Первое время его ум закипал от планов, наметок и грез. Он очумел, перебирая миллионы различных способов мести. Но ни один из них не годился здесь и сейчас. Если заорать, что он полноправный король Гетланда, то кто этому

поверит? Он едва ли верил и сам. А если он придумает, как убедить, и те поверят? Их ремесло – людьми торговать. За него, конечно же, запросят выкуп. Улыбнется ли от души король Одем, когда вернет под свою ласковую опеку запропавшего племянника? Вне всяких сомнений. Улыбкой ровной и гладкой, как свежавыпавший снег.

Поэтому Ярви сидел на корточках в этой невыносимой темной дыре и не переставал поражаться, к чему только не способен привыкнуть человек.

На второй день он уже не замечал зловония.

На третий, сбившись в комок, он благодарно прижимался к своим богами проклятым спутникам, лишь бы согреться промозглой ночью.

На четвертый он, не менее рьяно, чем прочие, рылся в грязи, когда во время кормежки им кидали помои.

На пятый он с трудом вспоминал лица самых близких людей. Он путал свою мать и мать Гундринг, предатель-дядя мешался с умершим отцом, Хурик стал неотличим от Кеймдаля, а Исриун истаяла в туманный призрак.

Удивительно, с какой быстротой король способен превратиться в животное. Или, точнее, полукороль в полуживотное. Вероятно, всех тех, кого мы перевозносим, отделяет от грязи не такая уж и заоблачная высота.

Вскоре после того, как над этим рукотворным адом в седьмой раз разгорелась заря – сосед-торговец доспехами с мертвецов только начал перекрикивать курлыканье чаек, – Ярви услышал снаружи разговор.

– Мы ищем мужиков, которые смогут толкать весло, – проговорил твердый, уверенный бас. Голос человека, привыкшего говорить прямо – и не торгуясь.

– Девять пар рук, – мягко добавил голос потоньше. – После лихорадки наши скамьи подопустели.

– Отлично, друзья! – это отозвался хозяин лавки – хозяин Ярви – липким медовым голосом. – Взгляните – перед вами Намев из страны шендов, первый боец своего

народа, взят в плен в сражении! Видите, какая у него выправка? Обратите внимание – вот это плечи! Он один вытянет ваш корабль. Такого качества вам не найти...

Первый покупатель хрюкнул, как боров:

– Искали бы мы качество, пошли б на другой конец улицы.

– Оливой тележную ось не смазывают, – прибавил второй.

Над головой загремели шаги, просеялась пыль, и замигал свет в прорехах меж досками. Рядом, не шевелясь, затаив дыхание, прислушивались рабы. Голос хозяина звучал глуховато, и меда в нем было уже чуточку меньше.

– Вот шестеро крепких инглигов. На нашем языке моря они говорят еле-еле, но сказанное хлыстом понимают с первого раза. Прекрасно подходят для тяжелой работы, цена отличная...

– Льняным маслом телегу тоже не мажут, – произнес второй голос.

– Показывай нам смалец и деготь, торговец плотью, – прорычал первый.

Заскрипели сырые петли, и наверху ступеней открылся люк. Все рабы невольно сжались, не выделялся из них и Ярви. Пускай он не привык к рабской доле, но в том, как сжиматься от испуга, у него опыта хоть отбавляй. С помощью щедрой ругани и дубинки торговец плотью вытащил их на середину и под печальный перезвон оков расставил в нестройную, хрипатую шеренгу.

– Чтоб я твоей руки не видел! – зашипел работорговец, и Ярви втиснул кисть в разлохмаченный рукав. Теперь он стремился лишь к одному – только б его купили и забрали к новому хозяину – и вывели из этого смрадного ада на свет Матери Солнца.

Покупатели осторожно сошли по ступеням. У первого, лысоватого здоровяка, на поясе висел свернутый кнут, а колючий взгляд из-под кустистых бровей предостерегал, что дурачить такого встанет себе дороже. Второй был много моложе, долговязый, стройный и симпатичный, с пушком бороды и налетом

горечи на губах. На его горле блеснул тусклый луч – ошейник. Выходит, он и сам невольник, хоть, судя по одежде, и в милости у хозяев.

Работорговец поклонился и показал дубинкой на шеренгу.

– Самые дешевые – распродажа – и не стал утруждаться цветистыми фразами. Изысканные слова с этим местом не сочетались.

– Одни негодные отбросы, – сказал долговязый раб, морща нос от запаха.

Его коренастый спутник не отступился. Мускулистой лапой он притянул спутника-невольника к себе и тихо проговорил на галинейском:

– Нам гребцы нужны, а не короли. – На этом языке разговаривали в Сагенмарке да на тамошних островах, но Ярви обучался на служителя и знал большинство языков земель моря Осколков.

– Капитан считать умеет, Тригг, – ответил симпатичный раб, беспокойно потирая ошейник. – А вдруг она сообразит, что мы ее надуваем?

– Скажем, что это лучшее из того, что было. – Впалые глазки Тригга изучали унылое сборище. – А потом ты ей выдашь новую бутылку, и она обо всем забудет. Или тебе серебро не нужно, Анкран?

– Знаешь же, что нужно. – Анкран стряхнул руку Тригга и скривил губы. Не достаивая их взглядом, он вытаскивал невольников из ряда. – Этот... этот... вот этот...

Его рука проплыла над Ярви и начала отдаляться.

– Я умею грести, сир. – И это была величайшая ложь, произнесенная Ярви за всю свою жизнь. – Я ходил в помощниках у рыбака.

В итоге Анкран отобрал девятых. Среди них слепой тровенландец, которого отец сменял на корову, старый островитянин с горбатой спиной и хромой ванстерец, которому с трудом давалось не кашлять, хотя бы пока за него не заплатят.

Ах да, еще и Ярви – законный король Гетланда.

Торговля велась лютая, но наконец Тригг с Анкраном добились от барыжника взаимопонимания. Струйка сияющих гривен полилась в руки торговца, несколько капель – обратно в кошелек, а главную долю пустили в карманы закупщиков, то есть, насколько понял Ярви, обворовали капитана.

По его подсчетам, он обошелся дешевле хорошей овцы.

И не жалел о цене.

Одна семья

Пришвартованный к причалу «Южный Ветер» походил на что угодно, только не на теплое и стремительное дуновение.

По сравнению с быстрыми, поджарыми судами Гетланда это был чудовищный увалень: большая осадка, раздутый корпус, две кряжистые мачты и пара дюжин громадных весел по обоим бортам. Нечищеную обшивку облепили водоросли вперемешку с раковинами морских желудей. Закругленный нос и корму огибали надстройки с окнами-прорезями.

– В гостях хорошо, а дома лучше, – сказал Тригг, подталкивая Ярви на сходню, между парой мрачных надсмотрщиков.

На шканцах сидела темнокожая девушка и покачивала ногой, глядя, как новые невольники взбираются на судно.

– Получше вам не досталось? – спросила она почти без намека на акцент и изящно прыгнула вниз. Она сама носила рабский ошейник, но из тонкой плетеной проволоки, а легкая цепь свободно обвивалась вокруг руки, словно украшение. Значит, эта рабыня здесь в еще большей милости, чем Анкран.

Она осмотрела горло кашляющего ванстерца и поцокала языком, ткнула пальцем в скрюченную спину шенда и с отвращением сдула щеки.

- Капитан не придет в восторг от такой бурды.

- А где же сама достославная предводительница? - Анкран как будто бы заранее знал ответ.

- Спит.

- На пьяную голову?

Темнокожая обдумала вопрос, слегка шевеля губами, будто вела подсчет.

- Не на трезвую.

- Ты, Сумаэль, давай, курсом заведуй, - буркнул Тригг, проталкивая союзников Ярви вперед. - Гребцы - моя забота.

Сумаэль прищурила черные глаза на Ярви, когда, шаркая, он с ней поравнялся. Ее верхнюю губу насквозь прорезал шрам, и в выемке виднелся треугольничек белого зуба. Он поймал себя на мыслях о том, в каком южном краю она родилась и как попала сюда, старше она его или моложе - по ее коротко подрезанным волосам и не скажешь...

Проворной рукой она схватила и выкрутила его запястье - кисть вывалилась из рукава.

- У этого рука искалечена. - Без насмешки, голый факт - будто заметила в стаде хромую корову. - На ней всего один палец. - Ярви силился высвободиться, но на деле девушка оказалась крепче, чем с виду. - И тот, кажись, нездоровый.

- Хренов барыга! - Анкран растолкал их локтями, сгреб руку Ярви и повертел, изучая. - Ты ж сказал, что грести умеешь!

Ярви только опустил плечи и пробормотал:

– Я же не сказал, что хорошо.

– Да, похоже, верить нельзя никому, – сказала Сумаэль, приподняв черную бровь. – И как ему грести одной рукой?

– Как-нибудь приспособится, – заявил Тригг, подступая к ней. – У нас девять мест и девять рабов. – Он наклонился к Сумаэль, его плоский нос от ее заостренного отделяло не больше пяди. – Или ты жаждешь сама пересесть на скамью?

Она лизнула выемку на губе и осторожно отодвинулась.

– Я пойду проверю курс, ладно?

– Дельная мысль. Калеку прикуйте к веслу Джойда.

Ярви проволокли по горбтому мостку посередине палубы, поперек скамей по обоим бортам, где у огромных весел по трое располагались мужчины – как один налысо бритые, худые, в ошейниках. Каждый из них разглядывал Ярви с разной долей жалости к нему, жалости к себе, презрения и скуки.

Один скорчился на четвереньках, отдраивая палубу, – лицо скрывала целая копна линялых волос и бесцветной бороды – настолько оборванный, что самые обносившиеся из гребцов против него казались князьями. Надсмотрщик отвесил ему равнодушный пинок, как приبلудной собаке, и тот пополз прочь, волоча за собой тяжеленную цепь. Корабельное оснащение в целом выглядело небогатым, однако нехватку цепей здесь не испытывали.

Ярви, куда грубее необходимого, швырнули между двух невольников – не внушающего доверие вида. На конце весла громила-южанин с буграми и складками мышц там, где полагалось быть шее, – запрокинул голову и смотрел, как кружат морские птицы. Возле уключины угрюмый старик – невысокий и коренастый, на его жилистых предплечьях топорщились седые волоски, а на щеках от жизни под открытым небом полопались вены, – ковырял мозоли на широченных ладонях.

– Что ж вы творите, боженьки! – качая головой, забарахтел тот, кто постарше, когда стражники закрепили подле него цепь Ярви. – У нас на весле – калека.

– Ты ж сам молил их о помощи? – заговорил южанин, не поворачивая головы. – Вот она, помощь.

– Я молил о помощи с двумя руками.

– Прими с благодарностью половину того, о чем молишь, – сказал Ярви. – Уж поверь, я не вымаливал ничего подобного.

Уголки губ здоровилы слегка подогнулись кверху, когда тот искоса посмотрел на Ярви.

– Раз надо таскать мешки – не хнычь, а начинай перетаскивать. Я – Джойд. Вон тот брюзгливый – Ральф.

– Меня Йорв зовут, – сказал Ярви, заранее продумав повествование о себе. Храни свою ложь бережно, как зерно на зиму, сказала бы мать Гундринг. – Я поваренком был...

Привычно свернув язык трубочкой и дернув головой, старик сплюнул за борт.

– Теперь ты никто, и все тут. Забудь обо всем, кроме следующего удара весла. Тогда станет чуточку легче.

Джойд тяжело вздохнул.

– От Ральфовых прибауток веселья не жди. Сам-то кислоющий как лимон, но мужик что надо, коли выпадет пора прикрывать тебе спину. – Он выдохнул сквозь сомкнутые губы. – Впрочем, стоит признать, этого никогда не случится, раз его приковали сбоку.

Ярви грустно хихикнул, наверно, впервые с тех пор, как стал рабом. Наверно, и впервые, как стал королем. Но смех его надолго не затянулся.

Дверь полюта с грохотом распахнулась – оттуда вальяжной походкой на свет вышла женщина, картинно воздела обе руки и завопила:

– Я пробудилась!

Очень высокой была она, с ястребиными чертами лица, смуглую щеку пересекал бледный шрам, а нечесанные волосы заколоты в клубок. Ее одежды – в обычаях дюжины народов – кричали крайне непрактичным роскошеством: полоскались рукава шелковой сорочки с обтрепанным кружевом, ветер ерошил серебристый мех полушубка, на одной руке – перчатка без пальцев, на другой – пальцы унизаны кольцами, позолоченный конец ремня с хрустальными бусинами болтался над рукоятью кривого меча, свисавшего до нелепости низко.

Она отпихнула ногой ближайшего гребца, водрузила остроносый сапог на его лавку и ухмыльнулась всему кораблю, сверкнув золотыми зубами.

Тотчас и рабы, и надсмотрщики, и моряки принялись бить в ладоши. Не присоединились ко всем только трое: Сумаэль сидела на шканцах, уперев язык в щеку, брусок нищего оборванца с прежним «хрысь-хрысь» отскребал шкафут и с ними бывший государь Гетланда, Ярви.

– Сволочная стерва! – выцедил рукоплещущий Ральф сквозь остекленелую улыбку.

– Лучше похлопай, – проорчал Джойд.

Ярви поднял обе руки:

– К этому я приспособлен еще хуже, чем к веслу.

– Ой, детоньки, детоньки! – воскликнула женщина, от переизбытка чувств прижимая к груди кулак, – вы оказываете мне чересчур много почестей! Впрочем, не бойтесь переборщить. Тем, кто к нам только что присоединился: я Эбдель Арик Шадикширрам, ваш капитан и благодетель. Должно быть, вы обо мне слышаны – ведь имя мое гремит по всему морю Осколков и за его пределами, о да, до самых врат Первого Града и далее.

До Ярви ее имя прежде как-то недогремело, но, как привыкла повторять мать Гундринг: знающий толк в словах сперва постигает, когда надо безмолвствовать.

– Я бы попотчевала вас невероятными историями о моем красочном прошлом, – продолжала она, поигрывая то с кольцом в ухе, то с перьями шляпы, спадавшими куда ниже плеч. – Рассказами о том, как я возглавляла победоносный флот императрицы в битве при Фулку, о том, как стала возлюбленной самого герцога Микедаса, но отказалась за него выйти, о том, как разметала морскую блокаду Инчима, как правила судом в самый яростный шторм со времен Божьего Разрушения, как причалила к огромному киту, и то и се... но смысл?

Она с любовью похлопала по щеке ближайшего раба – достаточно сильно, чтобы ясно прозвучали шлепки.

– Скажем просто: отныне этот корабль – ваш мир, и здесь, на корабле, я – госпожа, а вы – чернь.

– Мы господа, – эхом откликнулся Тригг, мрачно обведя взглядом скамьи, – а вы – чернь.

– Сегодня мы неплохо подзаработали, несмотря на печальную потребность заменить нескольких ваших собратьев. – Пряжки капитанских сапог зазвенели, когда та вразвалку прошла меж скамей. – Вечером каждый наестся хлеба и выпьет вина. – В честь такого впечатляющего проявления щедрости разнеслось ликование. – Так что, хоть всеми вами владею я...

Тригг шумно прокашлялся.

– ...и другие пайщики нашего отважного судна...

Тригг с опаской кивнул.

– ...мне по нраву считать нас одной семьей! – Капитан распростерла руки, принимая в объятия весь корабль. Ее непомерные рукава поплыли по ветру – будто пыталась взлететь гигантская птица. – Я для вас – терпеливая бабушка, Тригг и его охрана – добрые дядюшки, вы – шалуны-недоростки. Мы вместе сплотились против беспощадной Матери Моря, извечного, заклятого врага мореходов! Вам, детишкам, везет, поскольку я всегда страдала от переизбытка милосердия, жалости и доброты.

В ответ на это Ральф с омерзением харкнул.

– Большинство из вас уразумеет вести себя, как подобает благопристойным отпрыскам, но... вдруг... – и улыбка Шадикширрам увяла, уступив место деланой гримасе боли, – среди вас найдутся смутьяны, которые решат, что им со мной не по пути?

Тригг досадливо зарычал.

– Которые вздумают повернуться спиной к любящему семейству. Покинуть на произвол судьбы своих сестер и братьев. Бросить своих верных товарищей в какой-нибудь гавани. – Капитан провела кончиком пальца по тонкому шраму на щеке и оскалилась. – Или даже поднять подлую руку на тех, кто так заботливо за ними ухаживает.

Тригг с ужасом втянул воздух.

– Если вдруг некий дьявол подкинет вам подобные мысли... – Капитан наклонилась над палубой. – Подумайте о том, кто последним пытался так поступить.

Она выпрямилась, поднимая напоказ тяжелую цепь. А потом резко ее рванула и опрокинула вверх тормашками грязного оттиральщика палубы. Тот только взвизгнул – спутанный ком рук, ног, волос и лохмотьев.

– Не подпускайте это существо к острому железу и близко! – Она наступила на его ничком лежащее тело. – Ни к кухонному ножу, ни к ножницам, ни к крючку на удочке! – Она прошла по нему, вминая в спину высокие каблуки – и, несмотря на неровность поверхности, ни на миг не потеряла осанку. – Он – никто и ничто! Все меня слышали?

– Сволочная стерва, – опять зашептал Ральф, когда та грациозно спрыгнула с головы оборванца.

Ярви смотрел, как несчастный скребун перекачивается на четвереньки, утирает кровь со рта, тянется к своему бруску и без единого звука отползает работать дальше. Лишь на мгновение он посмотрел капитану в спину: из-под

всклокоченных волос выглянули его глаза – яркие, как звезды.

– По местам! – заорала Шадикширрам. Она одним махом взлетела по трапу на шканцы и приостановилась, теребя украшения на пальцах. – Правь на юг! В Торлбю, мои несмышленыши! Нажива ждет! И, Анкран?

– Да, капитан, – ответил Анкран в таком низком поклоне, что едва не подмел палубу.

– Притащи вина, от болтовни у меня разыгралась жажда.

– Все слышали бабулю?! – проревел Тригг, разматывая кнут.

Загремел топот и раздались голоса, свист канатов и скрип снастей – вольные моряки бросились отдавать швартовы и готовить «Южный Ветер» к выходу из гавани Вульсгарда.

– Что же дальше? – шепнул Ярви.

Ральф лишь озлобленно фыркнул в ответ на такую наивность.

– Дальше? – Джойд поплевал на могучие ладони и примерился к отшлифованным рукояткам весла. – Гребем.

Взяли

Довольно скоро Ярви пожалел, что не остался в подвале работорговца.

– Взяли.

Башмаки Тригга отбивали неумолимый ритм. Старший надсмотрщик вышагивал по мостку со свернутым кнутом в мясистых руках и прочесывал глазами скамьи – кого им надобно воодушевить. Грубый голос грохотал размеренно и безжалостно:

– Взяли.

Не стало сюрпризом, что иссохшая рука Ярви справлялась с рукоятью огромного весла еще хуже, чем со щитом. Увы, мастер Хуннан теперь вспоминался заботливой нянькой по сравнению с Триггом. У этого бич служил первым средством при любых затруднениях, а когда после побоев у Ярви так и не выросли новые пальцы, его левое запястье прикрепили к веслу трущими кожу лямками.

– Взяли.

Руки Ярви, его плечи и спину ломило все больней и больней с каждым непосильным рывком. Хоть шкуры, постеленные на банках, изнасились до мягкости шелка, а рукояти наглядно отшлифовали его предшественники, с каждым ударом весла зад драло все сильнее, а ладони словно свеживали заживо. Рассечения от кнута, синяки от пинков и нехотя заживавшие под грубым железом ошейника ожоги с каждым новым взмахом все злее разъедало морской водой и соленым ветром.

– Взяли.

Это истязание давно перевалило всякий мыслимый предел, до которого Ярви хватило б сил выдержать, – вот только кто бы мог представить, на какие нечеловеческие усилия способен подвигнуть кнут в умелых руках. Скоро, заслышав где угодно его треск или просто скрип башмаков Тригга в их сторону, Ярви вздрагивал, всхлипывал и крепче наваливался на свой участок весла, роняя со стиснутых зубов слюни.

– Этот мальчишка долго не протянет, – рычал Ральф.

– Один раз – один взмах, – тихо шептал Джойд. Сам он толкал весло плавно, размеренно, с нескончаемой силой – будто был сделан из стали и дерева. – Дыши медленно. Дыши вместе с веслом. Раз – вдох.

Ярви не понимал почему, но это немного помогало.

– Взяли.

Вот так стучали уключины и звенели цепи, скрежетали канаты и скрипел настил, а из гребцов – кто стонал, кто ругался, кто молился, кто мрачно безмолвствовал, и «Южный Ветер» понемногу продвигался вперед.

– Один раз – один взмах. – Мягкий голос Джойда вел его сквозь кромешную мглу отчаяния. – Раз – взмах.

Ярви не сумел бы назвать наихудшее из мучений: как жалит бич, или как горит натертая кожа, или как разламываются мышцы, или голод, или холод, или то, что он опустил так низко. И тем не менее неумолчный скрежет пемзы безымянного скоблильщика – вперед по палубе, назад по палубе, затем снова вперед по палубе; то, как мотаются туда-сюда его жидкие волосы; как сквозь рванину просвечивает исполосованная спина; как желтеют зубы за раззявыми, трясущимися губами, – напоминало Ярви о том, что бывает и хуже.

Всегда есть что-то, что еще хуже.

– Взяли.

Время от времени у богов просыпалась жалость над его несчастной долей, и те посылали глоток желанного ветра. Тогда Шадикширрам золотилась улыбкой и с видом терпеливой мамы, которая не может не потакать неблагодарному отпрыску, приказывала убрать весла и развернуть громоздкие паруса из овечьей шерсти с кожаными накладками – и на весь свет объявляла о том, как ее доброта ее же и губит.

Тогда до слез ей признательный Ярви откидывался на неподвижное весло задней скамьи, смотрел, как над головой волнами колышется парусина, и впитывал вонь более чем сотни потных, разбитых, потерявших надежду людей.

– А когда мымоемся? – спросил Ярви во время одного такого благодатного затишья.

– Когда об этом позаботится Мать Море, – прорычал Ральф.

Такое бывало нередко. Ледяные валы лупят корабль в борт, расшибаются и рассеиваются каплями брызг – и люди промокают до нитки. Мать Море

окатывает палубу и плещется под ногами, до тех пор, пока все кругом не покроет соленая корка.

– Взяли.

Каждая тройка сидела на банке, под общим замком на троих. Ключи хранились только у капитана и Тригга. Каждый вечер прикованные к скамье невольники поедали свой скудный паек. Каждое утро они, прикованные к скамье, садились на корточки над щербатой бадьей. Прикованные к скамье, они засыпали, укрывшись загаженными одеялами и лысыми шкурами – над кораблем разносились их стоны, ропот и храп, и в воздухе клубился пар от дыхания. Раз в неделю, прикованные к скамье, они сидели молча, пока им кое-как грубо обривали головы и подбородки – для защиты от вшей, ничуть не избавляя от мелких попутчиков.

Единственный раз, когда Тригг с большой неохотой достал свой ключ и отпер один из замков, случился одним холодным утром – тогда кашляющего ванстерца нашли мертвым. Его одновесельники так и сидели с пустыми лицами, когда мертвеца стащили с банки и вытолкнули за борт.

Единственным, кто почтил словами его уход, был Анкран. Теребя себя за хлипкую бородку, он произнес:

– Нам понадобится замена.

На минуту Ярви приуныл: ведь тем, кто жив, теперь придется трудиться и за покойника. Затем его обнадежило: зато остальным достанется чуточку больше еды. А потом ему стало тошно от самого себя и своего нового образа мыслей.

Но не настолько тошно, чтобы он отказался взять свой кусочек пайка бедного ванстерца.

– Взяли.

Ярви не помнил, сколько ночей он провел обессиленным в забытьи; сколько раз по утрам просыпался, скуля от ломоты после того, как вчера надсаживался до предела – лишь затем, чтобы снова трудиться до потери сознания, да еще с

побоями – чтоб не скулил; сколько дней он не думал вообще ни о чем, кроме следующего взмаха весла. И все-таки, наконец, пришел вечер, когда он провалился в сон без сновидений не сразу же после отбоя. Когда его мускулы начали крепнуть, первые мозоли полопались, а бич хлестал спину уже не так часто.

«Южный Ветер» стоял на якоре, плавно покачиваясь. Шел ливень, поэтому паруса опустили и растянули над палубой в виде большого навеса, по широкому полотнищу барабанили крупные капли. Тем, кто умел ими пользоваться, выдали удочки, и сгорбленный Ральф со своей что-то мурлыкал рыбам в темноте возле уключины.

– Для однорукого, – сказал Джойд, и цепь зазвенела, когда южанин упер здоровенную босую ногу в весло, – сегодня ты здорово греб.

– Ага. – Ральф харкнул прямо сквозь уключину, и изменчивый луч Отче Месяца высветил усмешку на его плоском лице. – Мы еще сделаем из тебя полгребца.

И хотя один из них родился от него за многие мили, а другой до него за долгие годы и Ярви ничегошеньки о них не знал, кроме того, что читалось на их лицах, и пускай тянуть весло на купеческой галере невесть какой подвиг для сына короля Атрика Гетландского, Ярви почувствовал, как щеки заливают гордость, а на глаза наворачиваются слезы – так между соратниками по веслу возникают необъяснимые и прочные узы.

Когда ты прикован с кем-то бок о бок, когда делишь с ним еду и невзгоды, бич надсмотрщика и пощечины Матери Моря, когда подстраиваешься под его ритм, толкая один и тот же неподъемный вал, когда вы прижаты друг к другу в ледяной ночи или поодиночке встречаете равнодушный холод – вот тогда ты начинаешь узнавать человека по-настоящему. Его, не спрося, втиснули между Ральфом и Джойдом, а неделю спустя Ярви поневоле задумался: а были ли у него вообще хоть когда-нибудь друзья лучше и ближе этих?

Впрочем, это скорее говорило о его прошлой жизни, чем о теперешних спутниках.

На другой день «Южный Ветер» подошел к Торлбю.

Пока Сумаэль, угрюмо стоя на баке, понуканьями, угрозами и бранью не вывела пузатую галеру к причалу, где кипела суэта, Ярви не верилось, что сейчас он живет в том же мире, в котором когда-то был королем. Но он, тем не менее, здесь. Дома.

Знакомые серые постройкы охватывали ярусами покатые склоны, становясь величественней и старше по мере того, как Ярви поднимал взгляд – пока, черная на белесом небе, опираясь на прошитый туннелями утес, перед ним не предстала цитадель. Место, где он вырос. Отсюда виднелась шестигранная башня, покои матери Гундринг – там он корпел над ее уроками, там раскрывал ее загадки, наперед наметив счастливую жизнь служителя. Отсюда виднелся сверкающий медью купол Зала Богов – там он обручился с двоюродной сестрой Исриун, там их руки перевязали вместе и ее губы коснулись его губ. Отсюда виднелись холмы и дюны, где стояли курганы предков – там боги и люди слышали, как он поклялся отомстить убийцам своего отца.

Удобно ли сидится на Черном престоле дяде Одему? Поют ли ему здравицы подданные, которые, наконец, получили короля себе по нраву? Конечно.

Пошла ли к нему в служители мать Гундринг? Нашептывает ли у дядиногo плеча свои краткие и мудрые советы? Скорее всего.

Взяли ли на место Ярви нового ученика? Протирает ли тот штаны на его стуле, кормит ли его голубей, носит ли каждый вечер дымящийся чай? А как же.

Прольет ли Исриун горькие слезы оттого, что ее увечный нареченный уже не вернется? Она забудет его с той же легкостью, с какой позабыла брата.

Пожалуй, о нем будет тосковать только мать – и то по одной причине: несмотря на все хитроумие, ее стальная хватка на государстве рассыплется в прах без сына-марионетки на черном детском стульчике.

Сожгли ли в его честь корабль, воздвигли ли пустой курган, как утопшему дяде Атилю? Что-то он сомневался.

Пока он думал об этом, его иссохшая кисть свернулась в узловатый, дрожащий кулак.

– Чего ты встревожился? – спросил Джойд.

– Здесь был мой дом.

Ральф устало вздохнул.

– Послушай того, кто знает наверняка, поваренок: прошлое прошло навеки.

– Я дал клятву, – сказал Ярви. – Клятву, от которой не уплыть, как ни греби.

Ральф снова вздохнул.

– Послушай того, кто знает наверняка, поваренок: никогда ни за что не клянись.

– Но раз ты уже поклялся, – сказал Джойд. – Что теперь?

Ярви помрачнел и до боли стиснул челюсти, глядя на крепость. Может статья, боги послали это испытание в наказание. За то, что он был таким доверчивым, таким самодовольным, таким слабым. Но они оставили его в живых. Ему даровали возможность исполнить клятву. Пустить кровь вероломному дядюшке. Вернуть Черный престол.

Но боги не станут ждать целую вечность. С каждым новым восходом тускнеет память об отце. С каждым новым полднем тает могущество матери. С каждыми новыми сумерками дядина длань, обхватившая Гетланд, сжимается крепче. С каждым заходом солнца надежды Ярви подтачивает тьма.

Ясно одно: ни о каком возмездии и возвращении королевства нет и речи, пока он привязан к веслу и прикован к скамье.

Пора искать путь на свободу.

Инструменты служителя

Взмах неподъемного весла, и снова взмах – и Торлбю, и дом, и прежняя жизнь текли, плавно скользя, в небытие. На юг неспешно продвигался «Южный Ветер» – вот только ветер был плохим помощником гребцам на судне. На юг, мимо Гетландских мысов, шхер и заливов, обнесенных валами поселений, рыбацких лодок на волнах прибоя. Мимо луговин и пастбищ, мимо всхолмий с черными точками овец.

И беспощадная, под скрип зубов и надрывы жил, война Ярви с веслом продолжалась. Нельзя сказать, что он побеждал. Победителей не было. Но его поражения, пожалуй, становились не настолько разгромными.

Сумаэль вела их вплотную к берегу, после того как судно, пройдя устье реки Шлемов, загудело от ропота и молитв. Гребцы со страхом посматривали в сторону моря, где спираль черной тучи взрезала небо. Пусть отсюда не разглядеть, но все знали – там, за горизонтом, таилась ломаная цепь островков, которые венчали обломки эльфийских башен.

– Строком, – прошептал Ярви, вытягиваясь, чтобы лучше видеть и одновременно страшась туда смотреть. В века былые из разрушенных эльфийских жилищ люди часто приносили дивные вещи – остатки тех времен, но гордились ими недолго, заболели и вскоре умирали, и Община служителей объявила те места запретными для человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzho-aberkrombi/polkorolya-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)